

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»
Филологический факультет
Кафедра истории русской литературы
Кафедра фундаментальной и прикладной лингвистики
Фольклорно-этнографическое научное
краеведческое студенческое объединение

50-летию
С. В. Морякова
и
75-летию
И. И. Смирнова

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

ТВЕРСКОГО КРАЯ

Сборник материалов

Выпуск 6

ТВЕРЬ

2015

УДК 930.85(470.331)
ББК ТЗ(2Рос-4Тве)О-7
Т65

Редакторы:

*М. Л. Логунов,
А. А. Петров*

Т 65 Традиционная культура Тверского края: 50-летию С. В. Морякова и 75-летию И. И. Смирнова: Сборник материалов: Вып. 6 / Ред. М. Л. Логунов, А. А. Петров; сост. Л. М. Концедайло, А. А. Петров. Подготовка текстов А. С. Дмитриева, П. С. кизи Собиржонова, А. А. Петров; художник К. А. Шаталкина. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. – 100 с.

ISBN 978-5-7609-1172-8

Читатель держит сборник, посвященный фольклору и этнографии Тверского края. Продолжая традицию серии, мы посвятили его фольклористу, краеведу и этнографу области – *Сергею Викторовичу Морякову*, который родился 25 сентября 1965 г. в Ржевском районе Калининской области. Однако это не всё. Сергей Викторович не только интересный человек, но и прекрасный рассказчик, который был близко знаком с пеновским краеведом *Иваном Ивановичем Смирновым* (1940 – 1998 гг.) и перенял от последнего рассказы, которыми Иван Иванович любил делиться со слушателями. Это и определило структуру сборника, в основе которого лежат рассказы, записанные Сергеем Викторовичем от Ивана Ивановича. Часть рассказов И. И. Смирнова была опубликована, однако в настоящем издании представлено одно из первых полных собраний его текстов, которые, по возможности, переданы с особенностями местного говора.

Этот сборник не только дань уважения к личностям Ивана Ивановича и Сергея Викторовича, но и весьма важный показатель возрождения традиции меценатства. Мы искренне благодарны *Павлу Сергеевичу Ильинскому* и *Вере Ивановне Кутузовой*, без помощи которых не состоялось бы это издание. Мы уверены, что настоящее издание будет интересно не только тем, кто интересуется историей Тверского региона, но и всем тем, кто любит и ценит историю родной страны.

Для фольклористов, краеведов, этнографов и широкого круга читателей.

УДК 930.85(470.331)
ББК ТЗ(2Рос-4Тве)О-7

ISBN 978-5-7609-1172-8

© Редакторы М. Л. Логунов, А. А. Петров, 2015
© Коллектив авторов, 2015
© Тверской государственной университет, 2015

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

И вновь читатель держит сборник, посвященный фольклору и этнографии Тверского края. Продолжая традицию серии, мы посвятили его фольклористу, краеведу и этнографу области – *Сергею Викторовичу Морякову*, который родился 25 сентября 1965 г. в Ржевском районе Калининской области. Однако это не всё. Сергей Викторович не только интересный человек, но и прекрасный рассказчик, который был близко знаком с пеновским краеведом Иваном Ивановичем Смирновым (1940 – 1998 гг.) и перенял от последнего рассказы, которыми Иван Иванович любил делиться со слушателями. Это и определило структуру сборника, в основе которого лежат рассказы, записанные Сергеем Викторовичем от Ивана Ивановича. Часть рассказов И. И. Смирнова была опубликована, однако в настоящем издании представлено одно из первых полных собраний его текстов, которые, по возможности, переданы с особенностями местного говора.

Далее идет раздел, посвященной традиционной культуре Пеновского края, где опубликованы календарные и семейные обрядовые и необрядовые песни, сведения по народному этикету, заговоры, собранные Иваном Ивановичем. Цель нашего издания – это прежде всего репрезентация текстов по фольклору и этнографии Тверского региона, однако именно Сергей Викторович Моряков записывал и знает напевы пеновских песен, может их исполнить, поэтому одна из задач сборника — показать то, что *традиция жива*, что она передана от одного мастера к другому.

Затем представлен сценарий «Ворошиловского свадебного обряда», записанный в 1991 г. студенткой филологического факультета. Мы уверены, что перед нами не просто описание свадебного действия, но, в первую очередь, *живая традиция*, потому что читатель видит, как песни, записанные Иваном Ивановичем, были сохранены и продолжают существовать в современном сельском свадебном обряде.

Сборник заканчивается стихотворением «Он ушел», сочиненным Сергеем Викторовичем в память об Иване Ивановиче Смирнове... но это не конец, а только начало для более подробного научного изучения наследия Ивана Ивановича и творческой личности Сергея Викторовича, т. к. в книгу вошла лишь незначительная часть материалов, собранных нами при подготовке данного издания.

Этот сборник не только дань уважения к личностям Ивана Ивановича и Сергея Викторовича, но и весьма важный показатель возрождения традиции меценатства. Мы искренне благодарны *Павлу Сергеевичу Ильинскому* и *Вере Ивановне Кутузовой*, без помощи которых не состоялось бы это издание. Мы уверены, что настоящее издание будет интересно не только тем, кто интересуется историей Тверского региона, но и всем тем, кто любит и ценит историю родной страны.

Составители

РАССКАЗЫ И. И. СМИРНОВА В ЗАПИСИ С. В. МОРЯКОВА

Подготовка текстов
Л. М. Концедайло, А. А. Петров

1. «МАКРИДА»

У нашего переволокского мужика Егора Макридина, которого раскулачили и сослали в Сибирь, была мать Макрида, удивительной красоты. Еще в девках Макрида работала на барина и ходила в Ворошилово к купцу Линину – носила ягоды для варенья. Девка была гордая, и никому не давала подступиться. И вдруг приехал из Весьегонска купец Фодя, Фадей, наверное, звали, попростому Фодя. Приехал купец, и глянулась ему девка. Давай он предлагать нашему барину: мол, сосватаем девку за мово сына. А не сказал, что сын-то яво *нявдалый* какой-то. Разговор был короткий: посадили Макриду на воз и повезли. Где наша Переволока, где твой Весьегонск? Ну, ланно. Привязли эту Макриду, ввяли на второй этаж, в купеческий дом. По горнице ходит, ну что девка из глухой деревни приехала, хоть какой-никакой, а всё ж город, и боится она всяво: и свисту, и хлысту. Горничная говорит утром на второй день:

– Посмотри, девонька, твой жених по двору идет.

Ай, как взглянула на него *попретного* — нос крючком, как всё равно в орла, и горб во всю спину. Она сразу и обмярла, – грим на пол и не *поршишит* вроде. Горничная насилу откачала... Плакала две ночи. Ну, пока еще у ней не было с ним встречи ни разговору никакого. Барская воля не закон, а как под венец встанешь, тут уж всё – пропала. И вот эта самая горничная пожалела девку, вывела ее и помогла бежать. Макрида, блудивши по лесам, истоптала три пары лаптей, *пятки* были в ей с собой взявши. Ночевала, – где придется, кормилась Христовым именем. Где-то на погосте ночевала в сторожке, батюшка ее пустил, чуть живехонькая, голонная.

– Дочушка, не бойся, иди домой. Вчера по всем церквкам «читали волю», иди без боязни, – объяснил священник.

Какой-то добрый человек в погосте Дубна, как она сюда перешла к Андреаполю, дал ей хлебца и показал дорогу к родному погосту Отолово. Ишедши через Большой Мох, чуть не утопла в трясине — как спяшила к родному *поселю*. Пришла в Переволоку чуть живая.

Много позже уж вышла замуж и вот этого Егора-то и родила. Вырастила десять внуков. Когда ссылали, страхота, на всю деревню детский рев стоял... И вот недавно пришло письмо от ее внучки, старая тож, годы. Пишет: «Миленькие мои, дорогие жители Периловки, поздравляю вас с праздником вашим новомодным – пятисотлетием деревни, что Ванюшка¹ собрал вас всех вместе. Как мне хочется приехать поклониться родному пепелищу, могилам, но ноженьки отказывают...»

---

¹ Т. е. Иван Иванович Смирнов. – *Прим. ред.*

2. «ШАМАНСКАЯ ДАЧА»

В году 1893 приехал в Ворошилово к купцу Линину графский сын Шаманский из Москвы. Как звать-величать его, старики уж не помнили... Въезжал в деревню на тройке. Встречали торжественно — хлебом-солью.

Граф был молод и красив как «рыбий зуб»: в белом костюме, с *аглицкой* двустволкой. Как открыли деревенские ворота, что стояли в начале села с чудной резьбой и поющим петухом, графский сын давай раскидывать по сторонам кульки с конфетами. Ребятишки в драку, а он смеется.

«Один большой кулек упал прямо в лужу, я был поздоровее, — вспоминал дед Лука, — упал сразу на кулек, а на меня еще человек восемь. Как навалились, аж вода через спину пошла, а граф в тарантасе смеется *взаходы*. От кулька ничего не осталось, всё смешалось с грязью».

Целью приезда графского сына было поохотиться на медведя. Выбрали место близ деревень Осечно и Чигириново, Маслово тож. Охраняли графа два мужика — Силка и Пахом, с рогатинами. Графский сын отстранил их, как увидел зверя, мол, я сам с медведем справлюсь. Не успели мужики опомниться, как медведь подмял его под себя. Ружье графское, как вспоминали мужики, медведь взял в лапы и разбил об пень. Силку и Пахома сослали в Сибирь на кааторжные работы, а место, где охотился граф, по сей день зовется «Шаманская дача», а сенокос — «где медведь графа сломал».

3. «ЧЕСТЬ ВЫШЕ ВСЕГО»

С девяти лет проговорил меня тятка барину пасть коров. Пасли вдвоем с Филатом из Осечна. Коров было сорок пять голов да полсотни породистых овец. Поили на Большой пожне, где был устроен пруд, а теперь осталось одно название «Барская прудка».

Жили трудно, за кусок хлеба терпели унижения особенно те, у кого семьи большие были. С четырнадцати лет взял меня барин в Осташков в трактир мальчиком на побегушках да еще «мороженое вертеть». Я очень старался работать по чести и совести. Один раз барин дал мне денег и послал к другому лавочнику за рыбой под названием «минога». Рыба эта, словно змея... Прихожу я в лавку, помню, находилась она у самого Селигера, дал лавочнику деньги, он взвесил мне рыбу, и я пошел... Прихожу, отдаю рыбу, барин был в это время в кухне, он развернул рыбу и заругался:

– Что ты мне принес? Разве это рыба? Это воши!

И давай меня по морде рыбой тыкать. Я слезно заплакал.

– Иди сызнова к лавочнику, – закричал барин, – я знаю, у него есть рыба крупная, а он мне одних вошей наклал.

И отправился я обратно в лавку, прихожу и плачу. Лавочник погладил меня по голове, узнав в чем дело, взял пергаментную бумагу, аккуратно положил рыбу, да всё крупную, а деньги, что барин добавил, разделил со мной поровну. Прихожу я к барскому дому (сейчас в нем райвоенкомат города Осташкова), ноги трясутся и руки. Барин встретил меня у порога. Развернув пакетик, он сказал:

– Вот это рыба! Я знал, что у него есть крупная.

С семнадцати лет, а было это в 1893 г., барин меня повысил в должности: я стал возить товар из Осташкова в Ворошилово. Помню как сейчас, дело было осенью, после Покрова. Три воза везли мы товара. Приехали поздно, разгрузили товар на склад, коней поставили во двор. Барыня, Мария Александровна, закрывала лавку, дала мне на чай. Не посмотрев на деньги, я отправился домой в Перевлоку. Прихожу домой, мамаша моя, Анна, была уж старенькая, видела плохо, получив от меня чаевые и посмотрев на деньги, говорит:

– Сынок, вот эта деньга какая-то ненашенская?

Я смотрю, а на ладони у матери среди прочих монет пятирублевый золотой. Расстроился я, – барыня для испытания в честности дала мне золото. Ночью спал плохо. Утром чуть светок отправился в усадьбу. Прихожу в лавку, а барыня раскладывает товар на полки.

– Барыня, прибыльно торговать!

– Спасибо, Лукашка.

– Барыня, сколько Вы дали мне вчера «на чай»?

Вдруг барыню словно краской покрасили.

– А что, Лукашка, маловато?

Я показываю ей монеты, – эта не нужна, – и отдаю ей пять рублей золотом. В это время, словно по договоренности, вваливается в лавку барин Нико-

лай Александрович. Барыня часто-часто заговорила, мол, братец мой, вчера я торопилась и второпях передала Луке пять рублей золотом, а он их мне возвратил. Барин помолчал и говорит:

– Вот, моя сестрица, какие честные у меня работники! Дай-ка с полки сукна и отмерь Луке на пальто, а сошьешь пальто за мой счет! Да его мамаше подарок – турецкий шерстяной платок. Это за честность!

Как на душе светло и легко на сердце стало! Ведь честь – она дороже всего и во все времена должна оставаться в почете.

4. «КОРОВИЙ ПРАЗДНИК»

Уходят времена. Много мы растеряли – остались одни отголоски. Как справляли раньше праздники! Помню, был еще *небольшенький*, на самую Троицу, когда венчали коров², взял меня дед в подпаски.

– Дятенак мой, хошь завтра со мной погонимся в поле, завтра коровий праздник! – многозначительно произнес старик.

Еще с вечера дед Сенька был изрядно *гланувши*, пьяненький. Пригнались мы в лес. Дед улегся *гли*³ камня, ляжить *насадивши*, что ж такой, а я плачу:

– Дед вставай, ни одной коровы нету. Что теперь делать?

– Не расстраивайся, мой дятенак, щас наши девки явютца. А ты давай ломай березви, будем плести венки нашим девкам.

Как вышел он на поляну, достал из торбы трубочку, что-то покрутил и заиграл: дыр-ды, дыр-ды. Слышится: «Девки, домой, девки, домой». Как пробубнил это он, гляжу, – коровы все выплывают из леса. Все вышли, и овцы вышли все до основания. На каждую корову хозяйскую надели мы по венку и погнали скот в деревню. У околицы стояли разодетые бабы, встречали стадо, не простой день – «Коровий праздник». Коровы тихо вплывали на деревенскую улицу. Как щас помню, каждая хозяйка одаривала нас с дедом яйцами, *печевом*, а кто и рюмку подносили деду. Каждая корова не далась: той хозяйке с руки вручали венки, и она сама одевала его на роги своей кормилице.

Помню, мамаша взяла венки, положила на подойник и через него стала доить, ну прям прелесть! И мы этот венок вешали во дворе и хранили до следующего Духова дня. После его сжигали на своей полосе. В этот день собирались вскладчину, в деревне гуляли. Вот был обычай какой хороший! Корове справляли праздник, и никто не напивался. А теперь что? Одно мать-перемать, ой, Боже мой, уходит время, что будет после нас?

---

² Обряд венчания коров характерен для западных районов Тверской области. Более подробно см.: Дубинина А. А. Обряд венчания коров в псковско-тверском пограничье // Страницы музыкальной истории Верхневолжья: По материалам музыкально краеведческих чтений 2002 – 2006 / Ред. Н. К. Дроздецкая. Тверь: Гид, 2006. С. 86 – 87. – *Прим. ред.*

³ Десь и далее: диалектн., в значении «у», «около». – *Прим. ред.*

5. «ПЕТИНА НИВА»

Есть у нас место – Песчаная гора вблизи Мельничного ручья, а рядом Мох Петин, а туда, к Пялину – Мох Пялинский. И вот там, говорил дед, где мох, было когда-то озеро. Это озеро соединялось протокой с Витьбинским. И как раз на самом рогу жил лесник Петр с жонкой. И теперь есь Петина нива. Раньше порядок был, *тоня* для лова рыбы отводили, всё было по закону. И вот мужики заплатили за отвод, *лякают бродником*, а рыбы нету. И день ловят, и другой, нет рыбы. Как водяной шутит. Ладно, пошел Петька в двенадцать часов ночи в баню, лег да и задремал на полке. *Скрозь сон* слышит стук.

– Кто там?

– Да я, Сергей, твой сосед, – он слышит, а не знает такого. Слушает – гомонят.

– Во рыбаки маются, там рыбы нету, она во где, у лесниковой бани, всё тут.

И всё. Лесник проснулся. Ладно. Мужики опять ловить, а он задержался и давай *заяковать* у бани. Рыбы тьма, чохом скачет рыба. Ну, мужики помогать. *Ощерники* по десять встали по обоим крыльям, бабы сачком поддевают. У нас была такая Настя Блоха, она всё сачком поддавала. Ну что ж, ладно. Рыбы навалили целый *закрым*. Лесник жонке:

– Баб, я в баню!

Опять ночью прикарнул и слышит пуще прежнего – мочи нет. Баня трясется, с другого угла – еще больше. Узнал Петя, где рыба и опять на утро больше прежнего поймали. Что ж такой!? А всё яму мало. Вот она жадность-то человеческая! Что ты будешь делать. Он и третий раз в баню идет. *Байня* шатается, ходуном ходит. Слышит – говорят:

– Друг, а ведь кто-то нас с тобой подслушивает, всю нашу рыбу выловил. Давай поглядим в *байне*.

Лесник было бежать. Но не тут-то было. ...Нашли яво под утро. Ноги задраны за голову, кишки все в *охот* вышетчи, в зад выдавлены. Вот так. Нажали яму и *лису сделали*. С тех пор захирело подворье, баба померла, и больше на том рогу никто не селился, одны ящерки да *лядиные поганки*⁴ шикают.

6. «ВЕЧНИЙ ДЕД»

Раньше уважали стариков. Умели дяды и хозяйство весь, и поговорить.

Уважали стариков, они были кладезь мудрости. А теперь повывелся народ, не народ, а народец, всё больше *недолуги* да *невзаблишные* мужики. А раньше-то, вспомни хоть Николая Муравейника, Шушку, царство ему небесное. Сколько он знал, ходячей легендой был. Сто шесть годов прожил, не шутка, а память – всех помещиков поименно помнил. Поговоришь, бывало, – ума наберешься. Еще он нам сродни доводился, а жил в Витьбине, это где городок

---

⁴ Змеи. – *Прим. ред.*

Витбецы стоял, а теперь городище. Дед мой дружил с ним, и Муравейник бывал у нас в Пяриловке. Как-то ждали – нету и нету, приходит; дед наш Лукаш, спрашивает:

– Ты чаво, Николаюшка, так задяржался?

– Ах, Лукаш Михалыч, черввячка задавил!

– Ну что ж здоровенько, здоровенько!

«Чмок, чмок», – поцалуются.

– Какова ш черввячка-то, – спрашивает дед.

– Так зьямя, паганка, по дороге встретилаь.

А дед здоровый был, по первому снегу босиком ходил. Пятки в яво толстыи, расколовши, а в трещинах, говорят, и клопы завевши были. «Как, – говорит, – пяткой не ворохнул по головы, так и раздави». Она пятку нямного прокусила, это зьямяга, а ничего, они в яво толстыи, закожаневши, страхота, ох! Да.

– Во! черввячка каково задавил, – говорит.

– Ну что ж – няси, Лукаш Михалыч, свояво пивца.

А корчага была глиняная в два вядра. И вот он как приложится к этой корчаге, перякрестит, ну, баслови, Христов нябесный...

Половину корчаги выпьет пива, как волна и идет. Пальцы надуются – не пошевелить. Вот тут (показывает шею. – *С. М.*) всё надуется, страхота, а живот как дощан. Ну, после отдохнет и остатки допьет после этого. А народу много в дяревне, у деда вобравши – гуляют тут.

– Ну, мужики, – это он говорит, Муравейник, – нясите широкую лавку. Бабы загалдели, что такое, что щас будет. А он свою рубаху обшиванную задерет, заголит живот, ложится так, навзничь на скамью.

– Бейте, – говорит, – по животу поленом.

Живот надувши, как дощан, ой лихонько! Мужики как размахнутся, как поленом – гак-гак, как по кадушке, токо гул идет. А он: «Ха-ха, ха-ха-ха», – ухмыляется. Все уж отмярли у него, и больница хоронила. Там за Витьбином все покоются. Ну а оправляется домой – уже праздник кончается.

– Ну што ш, Лукаш Михалыч, спасибо за хлеб, за соль, за всё, – кланяется, – хорошо было, пора и собираться. Ну, налей же в дорогу мне пивца?

– А ва што, не ва што, такой и посудыны нету, – говорит дед.

– Да в *бярещенники*.

А бярещенники с берясты плетены, голенищи до самых колен.

– Ну, хоть бы руки пихнул, – солома там постелена, внизу-то, чтоб помягче, – вытряхнул хоть бы.

Дед наливает яму туда, солома *ошорашем* поднялась вся, грязная, ох, лихонько мое! Ничего, перевязал лыком яму бярещенники через плячо, ладно.

– Ну а винца-то не во что налить, Николаюшка, хочешь в бутылку из-под дегтя?

– Ой, сваток, наливай. Только б сюда прошло, – показывает на брюхо, – а там в середке *двенадцать мальчиков переработают*.

И вот ничего не болело у деда. Высокий, здоровый, борода, как у патриарха, вечный дед. Сколько человек знал, земля ему пухом.

7. «ВАНЬКА-ВОР»

Жили-были дед да баба. Был у них единый сын Ваня, да и тот дурак. Маялись они, маялись, перебивались с воды на квас, никак не разжиться. Смотрел-смотрел Ванька да и уехал в Петербург счастья искать. Уехал и как провалился. Старики уж его в помин записали, потому что живой бы был, рассудили они, какую весть, да и подал бы. Прошло лет десять. Появился у околицы незнакомый человек и спрашивает в крайней избе, живы, мол, такие-то – Анна с Акимом. «Как же, живы, только худо живут. Был у них один сын, да и тот сгинул». Пошел человек к старикам в избу. Вошел он в дом. Пьют чай старик со старухой да вздыхают от жизни своей тяжелой. Поздоровались. Пригласили путника к столу.

– Как живем, спрашиваете? – говорит дед, — да как живем – худо, был один сын, да и тот дурак уехал в Петербург да, поди, там и сгинул.

– А могли б вы узнать своего сына?

– А как же, – промолвила старуха, – в его на шее пятно родимое с копейку.

– Не такое пятно? – показывает гость.

– Ба! – заголосила баба и бух ему в ноги, – сынок, Ваня!

Объявился Ванька да не с пустыми карманами.

– Как же ты, сынок, денег добыл?

– Как – воровал.

Ну что ж, утром батька понес деньги барину, оброк, стало быть, за два года.

– Где ты, Аким, денег взял? – спрашивает барин.

А он, простота *серьмятная*:

– Где, батюшка, – да сын с Питеру вернулся. Воровал, скопил да воротился.

– Завтра представь его передо мной, – приказал барин.

Что делать? Идет батька – сам себя ругает, слеза слезу побивает.

– Что, батька, случилось?

– А что случилось. Ты, сынок, меня выручил, а я, дурак, тебя выучил. Завтра тебе к барину идти.

– Ну что ты, батька, не плачь, правду сказал и Бога не бойся.

Пошел Иван к барину. Доложили. Барин за столом сидит, Ваньку приглашает, рюмку подносит.

– Говорят, Ваня, ты вор отменный. Хорошо украсть можешь.

– Ну не хуже других, – отвечает Иван.

– А укради-ка ты у меня рысака.

– А что – и украду, да так, что комар носа не подточит.

Барин раззадорился. Двенадцать сторожей приставил, пуще глаз своих стеречь приказал. Как Ваньке подобраться? Придумал. Смутил мужиков. Обрядился он бабой и так под вечер, палкой попираясь, идет мимо конюшни:

– Кто такая, куда идешь? – кричат сторожа.

– Ой, дитёнки мои, с Печерской лавры бреду, святую водицу несу. Попейте, родимые, водица киевская, вкусите от святынь.

Напоил Ванька святой водицей сторожей, всё вповалку лежат, только храп стоит. Взял жеребца, вывел да и поскакал. Как ни кричал барин, как плеткой не охаживал, да коня не вернешь.

Нечего от жира беситься. Ванька хоть он и дурак, а дело свое знает.

8. «РУСИЧЕНА»

Совсем недалеко от урочища Пустошь протекает речка Русичена из озера Закочужье в озеро Лопастуцу. Она и не речка, а протока. У нас вон за домом между Витьбинским озером и нашей Чёрной Лупой, где моя Периловка *притулилась*, есть место Перевец. Говорят, ладьи купцы перевозакивали, а там, похоже по-всему, предки наши прорыли протоку для сообщения озер, она, эта речка небольшая, метров триста. И вот рассказывал мне деревни Михайловщина Тимофей Осипович, сын Осипа Абакумовича, который прожил сто пятнадцать лет.

– Году в восьмом <1908. – *Прим. ред.*>, мой сынок, когда мне было семнадцать лет, строили мы с мужиками через эту речку Русичену мост. На берегу совсем рядом с озером была большая сопка. И эта сопка-курган мешала нам строить мост, и пришлось нам его раскидывать. Раскопали мы этот курган, как сейчас помню, нашли много мечей, щитов, копий, железные щатища, много человеческих костей и конские черепа. Всё это мы склали в кучу на мяжу. Конечно, сынок, если б найди мы сейчас, как бы хорошо они украсили наш музей. Мы тогда и не думали, что оно всё пригодится, – говорил дед Тимофей.

Древних вещей и костей много находили и в полях у речки Русичены. Видно, и вправду, как говорили нам старики, была здесь битва великая. И много русских богатырей сложили тут свои головушки. Оттого и речку зовут «Русичена», что была тут «Русь посечена». А от татар или от Литвы теперь уж неведомо. Не дожил Тимофей Осипович до сегодняшнего дня, умер в апреле 1984 г. и всё напутствовал меня:

– Попробуй, Иван Иванович, поищи в древних бумагах, может и найдешь. Сложили в великой битве мужики головушки, рассыпаны их белые косточки.

9. «ЦАРИЦЫН КАМЕНЬ»

Ворошиловский край на удивление богат древними памятникам – многочисленными камнями с иссеченными на них знаками. Среди них встречаются и анэпиграфены, – камни немые, но местночтимые с древних времен. Один из самых крупных валунов, которому поклонялись еще наши предки-язычники, лежит за огородами д. Ворошилово. Близлежащую *лядину* и место, где была совсем недавно пашня, старики называют «Под дубом», что еще и еще наталкивает на мысль о культовом назначении камня. Из поколения в поколение ходит

легенда об этом камне, – рассказывает Иван Иванович, – где жила, по преданию, Царица Полей.

Царицын камень величиной с полрусской печки представляет из себя гранит по форме близкий к кубу. Жила у этого камня дивной красоты, с косой до пят, Царица Полей. И ходила она за водой на Кипучий ключ, что за дорогой. Совсем недавно был там сруб и вода вкусная. А теперь родник заплыл. Бывало, идем мы с Большого Мха из *куманиц*⁵ и обязательно положим «пясточку» ягод на камень, чтобы умиловать Царицу Полей. Так еще старики нас учили, так ведется у нас исстари. А недалеко, у д. Полян, на одном камне высечена медвежья лапа, а на другом – овечье копытце и как детский следок. Я часто вожу к Царицыну камню туристов, рассказываю им легенду. Слушают всегда внимательно, задают вопросы, а некоторые молятся и кладут на камень жертву. И как тут не вспомнить старинное заклинание:

Царь лесовой, царица полевая,
Вы мои приносы примите,
А меня добрым здоровьем наградите...
Скотинку мою пасите, храните,
Шелковой травой накормите,
Ключевой водой напоите...

10. «ГРИГОРИЙ БЕЛЯЕВ И РАЗБОЙНИКИ»

Раньше жил народ всё труженики, взять хотя Григория Михайловича Беляева. Из простых мужиков вышел в купеческое сословие, за купцами записан был. Семья в яво большая была, шесть сынов; батька и все бабы как выйдут косить – армия, работали от зари до зари.

Потом в Закочужье купил он у латыша Гопина спичечную фабрику. Там даже ток был сделанный от ветра (электричество). Гопиниха в 1905 г. хотела было от (станции) Пена железнодорожную ветку тянуть.

Гриша Беляев начинал разживаться с дягтярного промысла. По сорок бочек дегтя возил он в Старую Руссу, Холм и Новгород. Туда едет с дегтем, а обратно мяшок денег везет. И лавка у него в Закочужье была, всё было. И вот только перед самой своей смертью рассказал он такую историю.

Как-то по зиме, а морозы были злые, как говорится «Егорий с мостом, а Никола с гвоздом», поехал он в извоз, повез деготь в Старую Руссу. И вот уж получил он деньги и возвращался домой, как в глухом лесу догоняет его человек. Оглянулся Гришка, батюшки! что такое, – бежит человек, считай совсем голый, босиком.

– Спаси, добрый человек, спаси меня, – взмолился незнакомец, – за мной гонятся.

– Куда ж я тебя дену, – а думать некогда, – ну полязай в дягтярную бочку.

---

⁵ Морошки. – *Прим. ред.*

Токо ш он влез в бочку, как догоняют городовые верхом: «Пру-у-у!» – и к Грише:

– Не видал ли тут беглово, мы его ищем?

Гриша пожалел мужика в бочке, слукавил:

– Видал, какой-то раздетый побяжал вон туды. – И показывает на развилку в лес.

Городовые быстро «под козырек» и в погоню. Да отъехали немного, беглый из бочки просит:

– Довези меня, добрый человек, до кривой сосны, а там на повороте я спрыгну.

Так Гришка и сделал...

Другой раз случилось ехать ему и этим путем по весны. И такая вьюга поднялась, в конце февраля, бывало, наметало снега по самый забор, что сбился Гришка с дороги. Зашла лошадь на какой-то погост, видит – из снега кресты торчат. Куда ехать, что делать? И видит вроде, как огонек вдали *скрозь* деревья пробивается. Пришпорил коня, и пошел конь сам на постройку. Вышли дед и баба с фонарем, коня распрягли. Гришку полуживого в избу.

– Лезь на печку, отогревайся. Ребята наши придут – будем ужинать. Ну и согрелся Гришка да прикорнул. Ночью являются.

– Тять, сяводня плохо, пурга, метель, никто не ехал, ни купцы, ни бояры, грабить некого. Пустые мы.

Батька им:

– А у мене вон, на печке, рябчик. *Окрып*, замерз. Мы его потрясем. Ну что, щас кровь пускать будем или поевши? – а уж несет корыто.

Гришка от шуму давно *обоснулся*, всё слышит, думает: «Вот и конец мой пришел. Что делать?»

Глянули мальцы на печку, а Гришка лежит, глаза зажмуривши – ни жив ни мертв.

– Не-е, батька, – говорит один, этого человека не будем трогать, убирай корыто, – по прошлой зиме он меня спас от погони.

Тут и Гришка голос с печки подает... Вот видишь, как отвел Бог! Отпустили с добром, вывели на дорогу, взявши слово, чтобы ни-ни, никому. Григорий Михалыч молчал всю жизнь.

Его семью разорили, сослали в Сибирь, отобрали всё, что нажил мужик своим потом. Батька пришел с Сибири пяшком в родную деревню, так НКВД сыскали, забрали. В ссылке не вынес человек, повесился. Вот мой, батюшка, как жизнь поворачивает.

11. «ХОДЬБА В ЗАРАБОТКИ»

Решили мужики из нашей деревни итить на заработки в Старую Руссу. Собралась большая артель, человек пятнадцать: Марк Васильев, Гаврила Нестеров, Лавр Нестеров, Павел Рудомёткин, Минай Минаев и другие. И пошли они пехом до Старой Руссы. Туда добрались без приключений. Заработали порядочно денег и возвращались уж обратно.

Вярстах в тридцати от города есть такой Кочановский перелесок. Ище я когда был в Старой Руссе – спрашивал. «Знаем, – говорят, – Иван Иванович, есть такой лесок». Видишь, до наших дней живо название, вот, дорогой мой. А за перелеском этим страшные дела водились. Орудовала там шайка разбойников: обирали купцов, одирали дворян, священнослужителей, а одну женщину, говорили, убили ради четырех копеек.

Ну что ж – идут наши мужики, погоманивают, вспоминают периловские щи. Марк Васильев нямножко приотстал, нужду справлял, а мужики пошли *поперед*. Вдруг из темного леса выходит здоровенный мужчина – посох у яво, а в руке булава-дубина.

– А, идете, я давно вас тут дожидаюсь. Много денег заработали? Вынимайте свои кошельки, кому жись дорога.

Испугались мужики такого *здоровязи*, делать нечего – полезли за кошельками. И все как есть, кровно заработанные, отдали татю.

– А теперь проваливайте, ну, чаво встали, – и разбойники замахнулся дубиной.

Марк, справив свои дела, мелкой рысцой догонял мужиков. Еще из-за поворота завидел он черную фигуру и на всякий раз поднял увесистый камушек – да за пазуху.

– А-а! еще один. Деньги давай, – зычным голосом сказал разбойник и всей своей массой стал подаваться к жертве.

Марк был мужик крутой, неробкого десятка, – но спорить с разбойником не стал, бросил ему под ноги кошелек: «Бери!»

Тать наклонился, а Марк в это время давай молотить разбойника булыжником по голове. Тот упал на колени, но успел сбить Марка с ног. Долго они возились. Марк бил его еще и еще. Наконец вор потерял сознание. Марк оттащил татя с дороги, проверил все карманы, кошельки склал в заплешную торбешку и вслед за мужиками поспешил к постоялому двору. Уж с полверсты прошел, ан что-то ему *рутитца*, хочется вернуться поглядеть. Возвращается, а разбойник жив, ползает по дороге и посох в руке. Марк добил его в остатке, – готов, не дышит, каюк вору. Свалил тело в канаву и зашагал своим чередом.

На постоялом дворе мужики ждали Марка что Бога, *жрать как с ружья хочуть*, все *окрыптии*. Марк стал заказывать ужин на всю артель. Мужики в страшном удивлении, думают: «Как же он будет рассчитываться с хозяином?» Кончился ужин, пришел черед рассчитываться. Достает Марк кошелек Гаврилы Нестерова, а тот и говорит:

– Марк, вроде как кошелек мой?

– Так бери, раз твой, мне чужого не надо, – говорит Марк.

Все кошельки раздал Марк ребятам и рассказал, как было дело.

Здесь же на постоялом дворе в эту ж ночь остановился на ночлег урядник. Марк поведал ему всё как на духу. Запрягли хозяйского жеребца и поехали к месту, где был убит разбойник.

Тело погрузили в телегу и повезли для опознания в Старую Руссу. Как вернулись на постоялый двор, стали рассматривать посох разбойника, в нем оказался тайник. Отвернув крышку, обнаружили там 255 золотых. Урядник предложил разделить деньги на всех, кто в эту ночь ночевал на постоялом дворе, чтобы никто не проговорился.

Мужики благополучно возвратились в родную деревню, а немного погодя Марку переволокскому представили большую премию за убийство опасного разбойника.

Вот такую историю поведал нам мой дед Михайлов Лука Михайлович.

12. «ВИДЕНИЕ»

Молодой парень Купрёха только женился. Недельку *попластовался* с молодой женой, медовые денечки, как посылает его батька с мужиками в Старую Руссу в заработки. Что ты поделаешь, батькина воля – закон, да и деньги нужны, чтоб молодая семья *зажилась*, на ноги встала. Лушка, молодая жена, осталась под присмотром свекра, а Купрёха отправился с мужиками в город. Ребята над ним *подскрывают*:

– Ой, девка остается одна, с кем-нибудь сгуляется, а ты в Старую Руссу идешь в заработки?

Ну ладно. Ну что ж, собрались, пошли.

Зашли сюда уже к Морёву, в новгородчину, в другую зямлю, и решили заночевать. Где-то там в лесу и расположились на ночлег. Мужики ложатся, а этот малец скучает, сидит один у костра в балалайку *лясает*, у него была с собой балалайка взята. Вдруг слышит – шарики зазвенели. Едут. И вот уже подезжают: «Тр-р-р! Стой!» Подходят к парню и говорят:

– Будь добренький, – а эти ребята спят, – поедem ты с нами, поиграй нам хоть на своей балалайке, свадьба у нас.

– Как же я поеду, – говорит парень, – ребята-то спят?

– Поедем ты с нами, мы приедem – они будут еще спать, только, – говорят, – поиграй, мы тебе заплатим хорошо, не будешь каяться. Говорят, что тебе, мол, деньги в хозяйстве нужны?

– Ну ладно, – согласился.

Посадили его на этот тарантас и поперли. Приезжают, какой-то дом такой страшный и народ какой-то смуглый всё ходит, худой народ. Завели парня в комнату и говорят: сейчас, мол, невеста придет, ей надо такую-то музыку сыграть. Пролялякали ему мелодию и ушли куда-то. Взял Купрёха ножик складной да и тронул в притолочину над дверью – заметил, значит, ход. Вдруг невесту ведут, а невеста так и млеет, так и млеет, ну вся такая слезная, совсем истомив-

шаяся, ослабшая. Музыка вроде бы сама играет. Вот вроде бы кончилась вся эта процедура, невесту увезли и зовут Купрёху к столу. За стол сажают, говорит: «Не могу йись», – всё какое-то вонькое, ня вкусная яда, да и народ всё не тот, худой народ, не наш. Ну ладно, ну всё, время уже подпирает, надо ехать, скоро петухам петь. «Посадили мене на воз и повязли, повязли, – говорит, – к ребятам. Приехали – вижу: ребята спят мертвым сном».

– Вот тебе, – говорят, – там в кусту положены деньги, не подумай, что фальшивые, а настоящие они. Возьмешь, – говорят, – после, – и уехали.

Лег он спать и заснул, конечно сразу, ночь-то не спавши.

Утром его ребята будят:

– Вставай, вставай, пойдем!

Он им говорит:

– Нет, мужики, чего-то *в меня* сердце заболело, пойду-ка я обратно домой.

Ребята над ним подшучивают:

– А, эва ты, домой, ночь переночевать без своей жонки не успел – уж домой торопишься.

Ну что ж, ребята пошли своей дорогой в Старую Руссу, а он остался. Посмотрел в куст, правда, деньги нефальшивые, взял себе, да и пошел к нам сюда, в Периловку. Приходит, а тетка жила на краю деревни, заходит к ней, а она голосом плачет:

– Что с тобой, что случилось?

– А что, твоя жонка повесилась, вот что.

Пошел он в гумно и как раз как в ригу заходит, его *складник*⁶ и вторнут в притолочину. Вот он что за сон-то! Жонку, конечно, уж вынули из петли, только веревка болталась.

Отчего Лукерья наложила на себя руки, что случилось? А вот что. В деревне честь блюли строго. Вышла девка замуж, повязали ей головушку, ходи тихо, смотри под ноги. Как ушел Купрёха в Старую Руссу, осталась невестка под присмотром свекра Исаака. Не зря у нас, как идешь в Беляево, через Тетерки, место есть Исааков угол, раньше там пахали. Исаак строгий был. Что уж его глаз подметил, а только не понравилось ему, что на гумне во время молотьбы Лушка заговорила с холостым мальцем. Схватил Исаак вожжи, задрал ей подол и давай ее принародно драть по заднице. Потом запряг он Лушку в деревянную борону вверх зубьями и дравши ее вожжами прогнал через всю Периловку. Лукерья такого позора не снесла – повесилась в гумне. Узнал про это Купрёха, долго мучился, переживал, но отцу не сперечил. Отъехал он на *комлях*⁷ по озеру подальше, глянул в последний раз от острова Липовца на родную деревню, перекрестился и прыгнул в воду.

---

⁶ Нож. – *Прим. ред.*

⁷ Лодка. – *Прим. ред.*

13. «КЛАД ДАВАЛСЯ»

А вот расскажу, как клад показался моей бабушке, бабушке Дуне. У нас место такое «Гребли» называется. Называется «Старые» большие и «Новые Гребли». Ну такие всё горы, раньше там пахали. И вот бабушка там что-то забороновала и гнала лошадь домой. И как раз в обеденный перерыв около Подпёртова Столба, где, говорят, клад купцы зарыли очень давно, увидела она кошку. Кошка та через дорогу пошла, как *смогонь* ясная, черная. И вот, говорит, через дорогу она побяжала и ударилась в каменный *субор*. Конь сразу *сполохался* и побежал в Периловку. Бабушка осталась одна и говорит, как кошка ударилась в этот *субор*, только «дрынь-дрынь-дрынь» по сторонам, как будто монеты рассыпались. Бабушка *сполохалась* и побяжала сама за конем. Приходит в деревню и говорит:

– Бабы, что ж такой, какая-то кошка бяжала, как всё равно в *суборе* она развалилась.

Бабы говорят:

– Дура, тебе это клад давался. Надо тебе было итить деньги обирать, а ты испугалась.

И около того места лежит такой небольшенький камушек и вроде кресток, вот так выбит, простенький. Дуня наша пасется в поле, говорит:

– Господи, сижу, – говорит, – крест. Даже стало чаво-то *ошарошно*. Ну вот – крест. – Там этот камень в кусты сворочен и теперь, поди, лежит.

14. «КОЛДУН»

В Успяньё поехал Яков Куприяныч в Лебедево. В яво родственники там жили. Ну, лошадь запрёг, а лошадь была хорошая, сбруя справная, с колокольчиками, всё как положено. Вот едет с жонкой, уже подъезжает к Заборью, соседняя наша деревня, Заборье. А дальше там река Карочаровка и место называется «Карочарово», где раньше было непроходимое болото, грязь и глина такая, что страхота. Ну, только они Заборье проехали, – подъезжают, – догоняют Никиту Курлапого уж за Перелазом, место такое старинное. Никита и просится:

– Яков Куприяныч, вазьми ты мене до сястры Фяклухи, до Кубина.

А он:

– Тьфу, пастен, колдун проклятый.

Стёг его кнутом, этого колдуна. А тот яму:

– Ладно, Яков Куприяныч, дальше Карочарова не доедешь.

И всё... Ну, едут, едут, а лошадь – что такой? Тише, тише, тише, тише и пена в ей изо рта и *завишца* поднялась всё кругом. Да-а... и рухнула она около Карочарова. Никита Купрёху перягнал, ничаво не сказал и пошел.

Что уж он:

– Матушка моя! – И пёнушка, и так и эдак, и гладил ее, и всё. Не-е, ничаво не поделаешь.

Кто-то шел мимо:

– Яков Куприяныч, иди проси прощения.

Пошел. А Никита у Колошихи, в сястры. Он приходит:

– Калошинька, матушка, где твой братец?

– Ня знаю, мой ангел, ня знаю, куда-то смывша, ня знаю, где он дявался?

Ни к ранне ль пашел?

А он спрятавшя под кроватью.

– Ох, сходи ты яво погляди, – просит Яков Куприяныч, – можа, к свату ушел или к куму?

Пошла Фёкла к родственникам к каким-то там. А он с-под койки вылезать:

– Я знал, что ты ко мне явисься. Ну что ж.

Он бух яму в ноги:

– Прости, Никитушка.

А как яво было фамилия – ну забыл, а так все Никита Курлапый яво звали. Ладно.

– Вяликое согрешение сделал. Прости.

– Ну что ж, – это Никита, – четверть самогонки!

Пашел Яков Куприяныч в деревне у кого-то купил четверть – три литра с читьвяртушкой на стол! Что ты. А *застолица* большая, закуска, всё честь по чести. Выпили, закусили...

– Ну пойдём, – это Никита говорит.

А лошадь там в грязи лежит. Попросили кого-то сторожить лошадь. Пришли. Лошадь ляжит, как мертвая. Ну что ж. Что он там взял в кожаном мяшочке, прошел лошадь вот так по хряптине вдоль и обратно стороной, почитал что-то, погомонил, попрыскал водицей, дал кусочек хлебца ей. Лошадь встала, встряхнулася, и даже дым пошел с ей, как пар. Вот. Ну, едут обратно на лошади. Яков:

– Скажи ш ты, Никитушка, что ты сделал мне?

– А что. Вот, Яков Куприяныч, сколько весом каменка в *байне* русской – та была вся тебе всожена в тарантас.

А на тарантасе, он фортовой был, на тарантасе выезжал, ну ни одного камушка никакого не было видно, ничего не было. Вот такая история. Уж ей больше ста лет. Видишь, какой колдун был Никита Курлапый.

15. «СМЕТАННИК»

В деревне все на прозвища. Нет такого человека, чтобы не было прозвища. Ведется это с древних времен, когда за черту характера или внешность, благодаря событию или знамению свыше, в день появления на свет давали человеку имя. Одних баб-песельниц в деревне сколько было: Катя Нилиха, Устиха, Рюшка... а Дунь и вовсе целых девять было. Такая Дуня Гоголек, Дуня Лопошиха, Дуня Кривая, хромала, все пели: «Дуне нашей ноги гнули...» И в мене прозвище – «Сметанка». Ну, я не обижаюсь, смятана не говно, смятанку все любят, как говорил мой дед. Было дело. Сколько мне тогда, да лет пять было.

Мамаша вставала до свету в колхоз. Бабушка Дуня, как солнце выкатилось из-за леса, взяла грабли и тож пошла распускать одонки к Подпёртому Столбу. Я остался один на хозяйство. Что-то мне было ня нять. В сенях стоял большой ларь, в нем мамаша держала всякий скарб и съестные припасы. Не помню, как я открыл тяжелую крышку, на дне, в углу среди разных кубанков и горшков, стояла большущая муравка ведра на полтора. В ней была отоплена сметана, которую мне страх как захотелось попробовать, ну хоть тресни. Наверное, мамаша собиралась бить масло для сдачи на налог. Я влез в ларь, отодвинул крышку и, забыв от счастья про все на свете, принялся *йись* сметану. Тут как грохнет что-то сзади по спине, и, не успев опомниться, я *торнулся* головой в горшок. Это крышка ларя не снесла такого нахальства, глядя как я без спроса влез в сметану, и грохнула меня по спины. Плача от боли и страха, я кое-как выбрался из ларя и пустился наутек от места преступления. С граблями на плече, распуская сено, возвращалась бабушка. Весь перемазанный с ног до головы сметаной, с ревом, я пробежал мимо нее, сгорая от стыда. Бабушка мне ничего не сказала, только поглядела во след, улыбаясь. Придя домой мамаша, всплеснув руками, заголосила:

– Ох, лихонько, кто ж это опрокинул муравку?

– Не убивайся, доча, – сказала бабушка. – Это не иначе как Ваня. Он пролетел мимо меня опрометью в Большой Мох, с ног до головы перемазанный сметаной.

Слух про мои проделки сразу разнесся по всей округе, и меня окрестили новым именем. Так из Вани Смирнова получился «Сметанка». И теперь письма пишут, вместо Смирнову – «Сметаннику Ивану Ивановичу». Ничаво, я не обижаюсь, а письма доходят до адресата, ведь Сметанника все знают.

16. «ДИВЫ»

Как пойдешь за Кочевницкий Мох к озеру Витьбино, аккурат против Ламского острова есть урочище Дивы. Тут не далёко, он за огородами. Старики рассказывали, что очень давно, еще с языческих времен зовут это место «Дивы».

Одна матка сына сваво *чурныла*, да, как говорится, *попала не в частину*. Прокляла сына матка. Шли они по берегу, малец за подол так и держался, увидался *гли* матки, путался у ей под ногами. Она вгорячах ногой, это, его *шарныла*: «Чур, пристал ко мне, путаитца как медведь». Что ты будешь делать. Побяжал малец в лес и стал страхолудиной, *дивом*, вроде медведя. Долго он шатался, ревел, не раз пугал своим криком проходивших людей.

После, говорили, кто-то сказал, что надо матке сходить, поплакать, чтобы ее слеза попала на чудище, и тогда проклятие спадет и станет он опять человеком.

17. «ВЫКРУТИЛСЯ»

Один наш мужик периловский, Михайло Нестеров, должен был заготовить два воза сена. Это еще когда мужики *исполу* работали. Ну, сено было заготовлено вовремя, зеленое, как чай. Погрузил он сено с сыном своим Лукой на две телеги, возы получились большие, прижали их *притеском* и повезли в Витьбино барину. По совести сказать, мужики один возок сложили поплоче, его метили себе. Когда возы въезжали на барский двор, барин, барон Ондрик Осипович Бернес, весь как есть – в атласном халате, вышел на балкон. Барон знал русского мужика и потому сразу указал на зеленый воз, тот, получше, в который был запряжен белый конь. А воз, в который пегий конь впряжен, мол, домой вязите.

– Барин не дурак, но и мы не лыком шиты, ну-ка, Лука, перепрягай лошадей – перехитрим барина, – говорит батька.

Взяли белого коня, перепрягли в плохой воз, а пегого в хороший, стали плохой воз вырывать в сарай. Барон выскочил на крыльцо с криком:

– Михайло Нестеров! Ты вор! Ты мое сено сейчас украл, забирай свои возы и вези обратно в Периловку, а я с тобой переговорю у земского начальника, (квартира которого располагалась в селе Нелегинском).

Что делать? Поехали мы с батькой домой, – вспоминал мой дед, Лука Михалыч, – тятка плачет, слеза слезу побивает. «С сильным не борись, с богатым не судись», – удумал барона обмануть. Что ты будешь делать?

Но и прадед был не промах. Рано утром чуть светок побежал он в Витьбино к барону Бернесу. Управляющий доложил барину, что пришел Михайло Нестеров и хочет его видать. Через какое-то время, нехотя, с трубкой во рту показался на балконе. Михайло стал второпях рассказывать, что на Мельничном ручью он видал здоровенького лося. Мужик хорошо знал, что барин страстный охотник и в имении его десять охотничьих собак специально для этого дела. Барин сразу подхватился, забыл про вчерашнее сено и стал справляться на охоту. Взял барон с собой свою «англицкую» двустволку, и пошли они к мельнице.

На Мельничном ручье уж давно не было мельницы. Старый мельник напился пьяный, и руки его затянуло в жернова, всё смяжжулило-смяло да так, что нашли его мертвым. Мельница пришла в упадок, сруб растащили на дрова, а через ручей кинули две *лавины*⁸, чтобы переходить. Лося никакого не было, соврал Михайло, взял грех на душу. Но всё же на Лисятнике, в Тетерках и в Исааковом углу барин подбил трех рябчиков и очень был доволен охотой.

Обратно пошли к *лавам*. Но обнаружив, что *лавины* расплылись, и перехода нету, пришлось мужику сажать барина на *кошлы*, чтобы перенести через ручей. «Слава тебе Господи, – думал мужик, – теперь барин оттаил и про станového забудет». Но надо знать старую мудрость: «Нашедши не радуйся, потерявши не плачь». Как сравнялся Михайло с серединой ручья, ноги его подвинулись, и полетел он со своей ношей в воду. И надо ж упасть так, что барин

---

⁸ Доски, мост. – *Прим. ред.*

оказался внизу, а Михайло наверху. Что тут делать? Барин вынырнул, да как выскочит из воды, как закричит:

– Цыган, черные глаза! Дурак переволокский! У тебя одна петля на шее, а ты другую вешаешь, – и побежал в свое Витьбино.

Ох, лихонько ты мое! Вылез мужик из воды, вылил из двухстволки воду, выкрутил одежду и следом поплелся в Витьбино. Осталось ружье, авось, что выгорит, думал Михайло. Подходя к барскому дому, увидел он на крыльце с графином в руках барина.

– Иди, иди, цыган переволокский, черные глаза! *Шевельче* давай, небось замерз. Вода холодная. Знаю, что ноги у тебя сподвихнулись.

Тут и ружье пришлось кстати.

Так благодаря мужицкой смекалке выкрутился Михайло Нестеров: и сено приобрел, и господской «смирновской» отведал.

18. «КЛАД НЕ ДАЛСЯ»

Васька Марков, наш, пяримовский, по наущению мужиков в купальскую ночь пошел к Подпёртому Столбу клад копать. Место это аккурат пяримовская межа. Земля Марии Юрьевны Покатиловой да помещика Ивана Мартировича Квашнина. Кто говорил, купцы схоронили, а кто говорил, что в горе клад закопан Литвой. Была война, и люди зарыли свое добро.

Взял Васька лом, лопату и пошел. Скинул крест, не молясь Богу, лег на *папороть* ждать двенадцать часов. Заснул он или нет, только видит как сон, что капает он клад. Господи, весь вспотел, рубаха к телу прилипла. Нечистые вокруг кричат, толкают, подплетают ноги, *сурыкают* в бок. Васька не оглядывается, знай, копает.

Вот уж котел. Стал копать быстрее. Сбил он замок и стал уж котел подымать наверх. Вдруг откуда ни возьмись маткин голос:

– Вась, бросай, иди перехватывать.

И всё. *Обоснулся* Васька как – куда что пропало. От Греблей гроза собирается, туча идет. И вернулся он домой ни с чем, с лопатой на плече.

А ведь и бабушке моей там, Дуне, клад тоже давался.

19. «ПУСТОШЬ»

Отец деда Тимофея с Михайловщины, Осип Аввакумович, прожил сто пятнадцать лет, а мать, Евпраксия, – сто двенадцать лет. Сам Тимоха дожил до девяноста шести лет и умер в 1984 г. Батяка и рассказывал деду Тимофею, что меж деревень Закочужье и Сазонова Гора, где часто попадаются кости и разные осколки, стояла деревня. Басурманы ту деревню пожгли, «сякли народ як траву-мураву», говаривал старик. Колокол с церкви успели опустить в озеро Лопатицу, кто не ушел в лес – всех порубили.

И вот недавно легенда деда подтвердилась. Из новгородского архива пришли бумаги. В книге Деревской пятины читаем: «На берегу озера великого

князя Лопастницы... по новому письму село Пустошь (1495 г.) с восемнадцатью деревнями вокруг. А дворов в нем со Степановым сорок и один, а людей в селе пятьдесят и шесть человек (т. е. мужиков), а сох только четырнадцать с сохой, а Степан... сеют и ржи по три короба, косят сена по тридцать копен каждый, между собирают кубел с кублом, а рыбы ловят по двенадцать осьминных корзин, и хмелю растут по двадцать две тычины.... А ключнику да и отмерщику платят оброк три рубля новгородские и полпята гривны, а хлеба воспом всякого по сто и тридцать коробов без полутора четки, а мелкой платы надо: тридцать баранов с села, шесть пятков ильну, тридцать сажень дров, шестьдесят четыре островка сена...» Богатое было село, но и оно, как сообщает писец, имело мелкую недоимку: «А недоимает ключник да отмерщик мелкого доходу: девяносто шесть хлебов, двадцать восемь куров, девять ведер сметаны, тридцать шесть сыров, четыреста яиц без пятка».

Вот так, мой дорогой, в местечке Пустошь и деревня пятьсот лет назад стояла, а видишь, уже тогда, как сообщает книга, не помнили ее название, а писали по новому письму село Пустошь. Правду говорили старики, не иначе как татары разорили село, а за двести лет, конечно, много забылось, что стали звать село Пустошь. Теперь вот без татар, сами разорили русскую землю, что не только там пустошь, а и во многих губерниях России волки воют, да бурьян колышется.

20. «ХАЗАРИН РОГ»

У сельца Пялино, имения Квашнина Ивана Мартирьевича, что звалось «Казанское» у господ, протянулась в озеро Витьбинское лука – «Хазарин Рог». Дед Тимофей, старожил нашего края, умерший в девяносто шесть лет, говорил:

– Сынок, это народ был такой, хазары, от них пошло название. Отец мой говорил, а прожил он сто пятнадцать годов, а ему дед рассказывал, что когда-то хазары приплывали сюда торговать. В том краю до сих пор много сопок, где зарыты древние люди.

В нашей земле находим мы по сей день разные вещи и монеты. Есть у нас в музее и ракушка каури, привезенная сюда с берегов Индийского океана, до пожара были монеты Византии и Древнего Востока. Кто знает: монет и вправду к нам приплывали хазары? Читал я как-то книгу: «Полководцы древней Руси», там и пишется, что хазары во время весеннего половодья поднимались вверх по Волге и ее многочисленным притокам. Вот так, мой дорогой, не могло название это просто так возникнуть – «Хазарин Рог»?

21. «МОСКВА»

Почему, скажите вы, так названа деревушка, отстоящая от столицы более чем в пятистах верстах. Где твоя белокаменная и где наша Москва Новинской волости Осташевского уезда! А старики и рассказывали, что когда был путь водой, плыли тут московские купцы, из Витьбинского озера тащили ладьи волоком в Ордоникольское, тогда оно называлось Заелинское. Остановились в конце озера, в устье Залинки. Красивое, высокое место, – уж больно им глянулось. Срубили они первую клеть и назвали селение Москва в память о разоренной басурманами Москве, родного своего поселья, которое они вынуждены были покинуть, спасаясь от войны.

22. «ЕРМАК»

У нас в средней полосе в верховьях Волги и Двины не редко можно было встретить здоровеньких мужиков. Нет, нет, да в той или иной деревушке даст Бог бабе произвести на свет этакого *здоровязю*, что мог подковы гнуть.

Жил такой богатырь в деревеньке Поляны, звали его Ермак. Недюжинной силы был мужик. Один навалил елок, выволок из леса и сам без посторонней помощи срубил себе избу. Любил Ермак поохотиться, ходил на кабанов, днями пропадал в болотах, выслеживая тетеревов. Раз поставил он капкан на медведя в урочище «Заголенье», определив по заламам и следам, что *хозяйин*⁹ стал часто появляться на *балобашках* близ пустоши. Медведь попался. Когда Ермак пришел проверить капкан, то схватился с медведем, задрался. Долго возились, то Ермак брал верх, то медведь поднимал под себя мужика. Ермак выбился из сил и, видя, что медведь одолеет, вспомнил старый прием, пихнул руку прямо в глотку зверю и взял его за язык. Так за язык и привел он медведя в деревню. Мужики добились зверя, но руку Ермак потерял, *измежжулил* топыгин всю кость. Долго еще прожил Ермак. Глазами б обнял необъятное, какая сила была, а одной рукой не поспеешь.

23. «ОРДОВКА. ОЗЕРО ОРДОНИКОЛЬСКОЕ»

Барское имение Ордовка (Орда) до революции принадлежало Маскевичу Виктору Осиповичу. Старики говорили, что название деревни и озера Ордоникольское пришли к нам со времен нашествия монголо-татар. На волоке из Витьбинского озера, где на городище был городок Витблян уже в IX в., в озеро Ордоникольское, где у начала озера был городок Осечен, татары остановились, не пошли дальше к «Ново городу». Они разорили все деревни, и после них пошли названия: Татариха, Ордовка, озеро Ордоникольское, потому что сожгли они церковь Николы Чудотворца. И теперь-то место зовется «Церковище», но уж никто, и прадеды наши не помнит там церкви.

---

⁹ Т. е. медведь. – *Прим. ред.*

24. «ЗАХМЫЧКА»

Я мужик, в мяне лук растет, а в бабах лук ня родится. «Ты знаешь дедовы стихи»¹⁰. А я говорю, – правильно дед говорил, мамка говорила: «Вставай раненько, сажай темно, чтоб перье было темное, ага, ну и почитай молитву: “Народи, Господи, на всякую долю крященую, для добрых людей и для меня”». Картошку сажаешь – тож говори: «Уродись, картошечка, крупная в решето, длинная в оглоблину, не пустая, а рассыпчатая». Спярьва добрых людей вспомяни, а потом себя, оно и будет родиться. И у меня кажный год от этого, ни от этого, а кажный год картошка – убору нет, нету убору, всягда хорошая. Говорят: «Куда идти? А пойдёмте к Вани за картошкой». А я, бывает, простота, что раздашь всё, а после поглядишь – пусто. Простота, как говорится, хуже воровства.

Ну так вот, живу один, а огород содержу на целую семью, ня хочется мне от людей отстать. Как-то батюшка явился с матушкой, заплавказие. Рукам от так плех: «Ох, лихонько, а для кавой-то у вас посажен огород такой?» А я говорю: «Мой!» «Ой, Божья Матерь, для чавой-то это нужно вам, Иван Иваныч, вам надо нетельку лучку, нетельку свяколки и всё». А я говорю: «В мяне сямья большая, батюшка, прям как у вас. У вас тож там вошь на цапи, блоха на аркане, народу бывает ужаста сколько». Да, народу в них кажный день тоже вволю...

Захмычка у мене такая. Когда уже будет не поднять фунт хмелю, тада уж всё, тогда уже конец. Как говорил мой дед Лука Михалыч, надо, чтоб всякий запас был, чтобы в холодную зимушку было что в зубу поковырять.

25. «МНИМЫЕ ПОХОРОНЫ»

А рассказывал жа я тябе про усадьбу Запривидино, не? Про Александровское? Ну, так слушай. Владельческая усадьба Запривидино стоит на речке на Талице, и как значилось у статистического комитета от 1896 г., сельцо на старорусской дороге: мужиков восемь, баб – семь человек, а принадлежит помещику-дворянину Нилу Дмитриевичу Козлову.

Когда этот помещик обосновался в наших краях, об этом никто из стариков не помнил, но как человек – был он очень хороший. И в 1903 г. был избран из Осташевского уезда членом Государственной Думы. После волнений в Петербурге возвратился в свое имение и стал жить здесь. А рядом, за озером Заболотьем, жил в сельце Амосове помещик Шленов Борис Алексеевич. Помещики были сродственниками, двоюродными братьями. И жили они по соседству, ну как кошка с собакой, постоянно не ладили.

Приехав в свое имение, Козлов Нил освободил всех крестьян от уплаты долгов и дал письменное разрешение в том, что в ягоды, в мох Тошник, по грибы, рыбу ловить в озерах, драть лыко на лапти, всё разрешается без всякой платы. Шленову не понравилось. Поехал он в Осташков с доказом на Нила Козло-

---

¹⁰ Заговоры. – *Прим. ред.*

ва. Вначале, когда они ссорились, он думал, что брат даст взятку и всё будет шито-крыто, но Нил Дмитриевич взятки яму никакой не дал. Помещик (Нил), чувствуя, что скоро приедут городовые к нему разбираться в сути дела, что там Шленов на него накатыл, задумал дело.

И дворянин Козлов Нил устроил бал, вроде своего дня рождения. Дворяне зарезали быка, наделали котлет, жаркого и так мяса наварили вволю. Пригласили мужиков и баб с ближних деревень. Пили, ели сколько хотели... а на утро – ба, барин и помри. Вот те на!

Многие начали говорить, мол, обожрался, одним словом, опился. Но здесь была и другая сторона медали. Разыграна была комедия с трагедией. Барин не умер, а скрылся. Всё было подстроено. Приготовили гроб, склали в няво требухи и кишки, наняли баб-плакальщиц и добровского священника. Всё было обставлено, что комар носа не подточит. Бабы режут, плачут голосом, волосы на себе рвут, мол, ушел жа от нас наш кормилец родимый. Батюшка же им вторит: «И сотворим ему вечную память». Народа привалило хоть пруд пруди. А лето, мухи, вонь из гроба идет. В это время приехало шесть городских, из Осташкова на лошадях прискакали. От покойника смрад идет, городовые сразу платки к своим большим красным носам, ой лихонько. Конечно, если б гроб открыли, то вся бы афера разузналась бы. Но гроб никто не стал открывать, и барина схоронили в погосте Доброе.

Шло время. Мужики молчали. После Октябрьской революции Нил Козлов воротился в имение, пробрался в Амосово и собственноручно прибил своего брата Шленова. За что ему ничего не было... Шленов собирался было скрыться и всё свое богатство: золото, драгоценности насыпал в самовар и опустил в Барский ключ. Урочище и теперь зовется «Барский Ключ», но уж ключа в помине никакого нету. Дед говорил, что Нил Дмитрич работал на станции Пено, извозчиком, но это уже другая история.

26. «КРЕСТЫ (ЛОПАСТИЦА)»

В старину озеро Витьбино и озеро Лопастница, по рассказам стариков, не сливались. Только весной во время половодья воды сливались вместе. А рассказывали, что это мужики прокопали перешеек. Была раньше насыпь от Михайловщины и от Заозерья. Прокоп сделали так называемым «вилем», всё, бывало, деды говорили, что в «в Вилину был ход». Со временем прорытый канал заплывал глеем и камнями. «Я сам помню хорошо, – вспоминал Тимофей Осипович Тихомиров, – как в 1917 г. с мужиками прочищал канал. Был составлен договор с осташевским землемером Шиловым и мы с батькою Осипом Аббакумовичем, Николаем Ивановым с Витьбина, с Васей Гришиным и другими мужиками сделали канал намного глубже, чем был раньше».

Говорили, что когда плыли купцы из Новгорода, то народ тонул всё больше в Крестах. Место было узкое, чуть *обмихнешься*, сразу глубоко – три-четыре сажени. Здесь в Крестах был город Лопастница, а в нем деревянная очень красивая церковь. В церкви, в алтаре стоял каменный крест и на нем было яко-

бы выбито: «Здесь убит король Корза», – и год был. Еще в старину его свезли в Холм. Другой крест еще более большой и красивый стоял на песчаной косе между озер Витьбино и Лопастницы, он был вделан в камень.

Третий крест, он стоял на кургане, обложенном камнями, мужики стащили и поставили на место Лопастницкого креста, когда тот увезли в Тверь по приказу археолога Спицына. Он теперь в Ворошиловском музее. Здесь пятьсот лет, а то больше тому назад была битва государей, в Крестах с тех пор место так и зовется.

27. «НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ»

Зиму эту всю писал в архивы прошения, всё по нашим местам, да по помещикам Челищевым. Да. Ответы пришли, что есть, есть материалы, навалом. Надо ехать. А мне когда? Оставить дом на кого, как дед говорил, «на царя и на валета». Приедешь – ничего тут не останется.

Трясёсьи за дедовы гнилашки, никак не уехать. Да, и тети-мети надо... Ой Господи!

А что ж ты сделаешь, батюшка мой, говорят, ищите и обрящете, стучите и откроют вам. А что ж если мы будем сидеть как *лукне* спрятавша и ничаво? *Лукня* – это погода стоит тихая: не шалахнется, не брыздыхнется ничего. Ну, солнышко греет, а ветру нету ничего, сено ня сохнет, видишь, как в *лукне*, дорогой мой.

А тут мне приехала художница отдохнуть в Витьбино, взошла в музей: «У-у! Иван Иваныч, небольшенький музей, а уютненький такой, так хорошо... со вкусом. Ну, я вам книжечку дам посмотреть, может это ваш “Челищев”. Акварель XVII – XIX веков», – читаю, глазам не верю, торопецкие, двоюродные нашим Челищевым. Оказывается, с М. Ю. Лермонтовым служил на Кавказе. И А. С. Пушкин нарисован на этом, Невском проспекте, – идет с тросточкой на пару с графом Хвостовым.

Это ж наш, торопецкий, Челищев нарисовал А. Пушкина! Ох, лихонько мое! Так я радовался неделю целую. Теперь надо всё выписать оттуда, что интересует меня, будет подспорье нашему музею. В газету районную надо написать, чтоб люди знали, как же так, это ж очень интересно. Там у Челищева и черкес нарисован во всех своих регалиях, ну в черкеске, в своих этих платах.

Прям-таки... после голова русского мальчика... Да!.. Диво дивное. Читаю, родивша под Торопцем в сельце Знаменском – это ж нашим отоловским двоюродный брат, этим боярам Челищевым. Ничего себе! Не гора идет к Магомету, а Магомет к горе, – видишь. Так и получается, случайный человек и помог маленько. Просите и будет дано вам.

А на днях из Торжка приехатчи были, из Митино, до чего рассказ получился, – мне самому понравился.

Привезли экскурсию, ба, да сколько людей, с ума сойти, больше сотни человек!

Два дня я чего ш там дорассказывал свои указы, после всё, думаю – начинает голова у меня бунтоваться, – Иван Иванович, – сам себе твержу: «Сейчас грохнисьи, надо валидолинку йись...»

Валидолинку съем, вроде отойдет, полегчает, а то там трахнисьи, будишь ляжать, ноги вытянешь, – *костальшики*. Вишь, старинные эти *костолыжки*, а бока – *пебики*, а это – *кыришина* (шея), видишь, а это *поскоп*. *Поскоп* – это что? *Поскоп* – это горло...

28. «ОТЕЦ ИВАН»

После того, как в 1991 г. подожгли музей, который собирал тридцать лет, покачнулось сердце, вера в людей, опускались руки. Надо было заново собирать экспонаты, писать в архивы и музеи страны. Помню, взял папку обгоревших документов и на стол выпала фотокарточка: «Лисин Иван Константинович, священник Вселукской церкви», – отец нашей Елены Ивановны Лисиной, учительницы, секретарь партийной организации, дорогого не только лично для меня и для многих односельчан человека.

Елена Ивановна долго молчала, не говорила, разве ж можно было, ей бы вкатали...

Я написал в один архив, в другой... Пришли ответы. Там всё нашлось: и доносы, и допрос, и приговор, стихи отца Ивана... Елена Ивановна плакала... Впаяли ни за что десять лет человеку. Страшал народ якобы голодом, проводил молебен о дожде, в 1939 как раз засуха и была. Народ тогда весь притесняли, облагали налогом. Я говорю: «Ага И. Сталин распределял, кому скоко яиц сдавать. Подлецов и проходимцев, завистников и пустодомов и тогда во власти хватало, вот и делали что хотели».

Среди бумаг к личному делу и стихотворение отца Ивана приложено. «Прохожу я Вселуками». Завмаг был *насадивши*, пьяный, и сказал, что поповской морде я хлеба не дам, а поп с обиды стихотворение написал в дневнике своем.

Семья – шесть человек детей. От первой жонки был Женька, матка туберкулезом умерла, а это уж пять рябят от второй жены... Обложили налогом, 200 кг льносемя сдать. Откуда у попа льносемя, где взять? Народ по банке собрал, ночью принесли к крыльцу поставили. Сдал. Потом 75 рублей денег надо было, Елена Ивановна помнила, как мать рассказывала, что учительница, забыл ее фамилию, принесла купюры все новенькие. В попа были родственники в Русанове, сказали, что они помогли.

Облагали сеном, – и тут народ помогал. Председатель местного Совета во многом сомневался, не мог понять, что за циркуляры идут и идут на уничтожение народа. С семьей в няво плохо, с работой беда, на душе камень. Пришел в два часа ночи к батюшке, стучит:

– Отец Иван, это я, что мне делать? Есть ли Бог или нет? Разве так надо жить как мы?

– Ну, пойдем в храм, – батюшка ему.

Открыли. Если б кто узнал, что коммунист, председатель сельского совета попросил у попа помощи... Человек навзрыд плакал.

– Мне самого Бога не приходилось видеть, дорогой мой, – говорил отец Иван, – но вера – это большое дело!

Нашлась какая-то сволочь, донесла... Принародно не посмели арестовать. Темной ночью прислали уполномоченного с запиской, всё молчком. Отец Иван вышел на крыльцо, прочел, вошел в дом, дети уже спали.

– Аннушка, душа моя, не закладывайтесь, я скоро буду, – и ушел.

Увезли попа в Пено в каталажку. Всю ночь пападья ждала; нету-нету, вот шаги, вот отец Иван идет, не, нет, почудилось. То дождь, то снег, ветер бьет ветками по стене дома...

– Иван, ты? Нету. Так и ушел человек в ночь не попрощавши, боялся испугать детей.

Когда уж узнали, пападью к мужу не пустили, а сына от первого брака с передачей, что там собрали. Второй раз поехали, а уж батюшку отправили в тюрьму в Торопец. А этот самый, милиционер, смеется: «Давай сюда узел, отправлю в Торопец». Послал он туда, щас, крахоборы были, ой Господи! И никто ж про это не знает, ну?! А за что человеку дали, что молебен отслужил, десять лет, и сослали. Где твое Улан-Уде, где наше Пено, ой, не могу. Дома жонка, шастерка ребятишек. Хорошо кусок хлеба какой-никакой был, что учительствовала, и рябят всех повяла, подняла.

Малец старший Генка, зараз помер недавно, тайком в Великие Луки написал в военное училище, что я сын священника, так и писал, что репрессирован, хочу учиться, тихонечко и отправил. Там, Бог дал, умный человек нашелся ни на что не смотря приняли. Всю жись он по военной части служил стране. Да, пришло письмо, пападью вызывают. Малец бух в ноги: «Маменька, прости, я сам без тваво согласия...» Что обуть? Пришла продавщица, говорит, матушка, ситчик привязли, я тебе подяшевше отложила на две рубахи мальцу, – сошьешь. Батюшкины поповские штаны переделали. Так в этих портках и пошел в жись.

Второй сын на Сахалине живет, еще сын, Женька, во время войны погиб. В Ленинграде на военном заводе работал, попала бомба и нигде и не числится в списках погибших. Да, еще другой малец – в Белоруссии, а уж Елена Ивановна, уж последняя, поскребыш, ей было год и чатыре месяца, как отца забрали.

Да, Иван Константинович, – батюшка, уж из ссылки написал И. Сталину письмо в стихотворной форме, что «...великий вождь народов, помоги посмотреть мое дело». Я маленько почитал, так всё складно. Этот талант и у Елены Ивановны и даже почерк как у отца, и расписывается как отец Иван, что ж это такое?! И вот ему отказ. Пересмотрю дело не подлежит и поперек листа надпись: «Попу такому-то отказать».

И он как там страдал, хорошо, что еще писать давали, письма у Елены Ивановны сохранились. Пишет: «Милая моя Аннушка, мои детушки, о вас только Бога и молю, что, как вы там? О себе я уже не думаю, что здоровье мое уже подкосилось».

Был он там писарем, а как по-крестьянски умел делать всё, то и подшивал сапоги, и на машинке мог шить, шубы умел шить, и чинил одежду. «Вот этим и кормлюсь я». Где-то там место «Голубые озера» за Улан-Уде, адрес у нас есть. Пишет: «...наверно скоро я умру». И стихотворение для маленькой Елены Ивановны: «Мой ангел святой...» Мы с Антониной Петровной Райковой читали – обои были обоплакавши. Мы, с разрешения, сделали фотокопии и фотокарточки. Жалко в пожаре многое сгорело.

Он оказывается, батюшка, в *гитару* умел хорошо играть, пел, сочинял. Человек был грамотный, труженик, нес людям добро и знание...

Вот теперь собираюсь я статью дать в газету – пускай знают вселукские, кто и как помогал, а кто доносы и кляузы строчил на попа. Сколько ж в нашем народе еще темноты, злобы, зависти? Да, и вот, за два дня до Победы, – седьмого мая сорок пятого года приставился, помер.

Последнее письмо было от 25 апреля: «Уж я не встаю, милые мои... но мысль одна и моление одно – о вас обо всех, мои детушки...»

За что человек пострадал? Вот она злоба, зависть и глупость людская! А сколько было таких безвинно страдавших. Ой, Господи.

29. «ЗАГАДКИ»

Дрёма, такие есть цвяты, дрёма. Чтоб спать хорошенько, надо под *голо-вашки* класть. А на Купалу *загадки*¹¹ рвали, сейчас не видно их. Вот приязжали тогда, с этого с университета (Петербург) и вот я им, тык, загадки нашёл. И так оно, простой стебляк, такие маленькие пупышечки на макушечке, серенькое такое растение. Это на Иванов день, бывало, под матицу подсовывали. Избы были ня клеиные, одну на тятку, другую на мамку, это на деда, это на брата, на всех, кто с родства. Если будешь жив-здоров, то за ночь расцветет, раскроется, а помрешь, то сомлеет. И вот я, помню, взял, и на деда и на бабу загадал, и к утру загадки эти, как будто кто *смяжжулил*, и свалились они на пол. Мамкина маленько подвяла, а молодухи, братова жена, нямножко так вроде и расцвела. В этот год молодуха, ище и баба не старая, заболела, заболела, у ней уже был рак, как оказалось. Молодуха была учительницей, чистоплотницей. Родила брату сына, моего единственного племянника. Что случилось? Хворала, хворала и слегла.

В деревне, батюшка мой, знаешь, работа за работу заходит, некогда другой раз и передохнуть. Скотины полон двор, огород, пчелы, ну. Всё надо *обиходить*, а баба слегла. Привел брат новую жену. Сначала она помогала по хозяйству, ходила за больной, ну а уж потом брат ей предложил. Молодуха позвала работницу: «Сядь рядом, послушай мене». Села.

– Я всё понимаю, всё вижу, и тебя не осуждаю нисколько, такая вот жизнь. Спасибо тебе, Нина, что ты ходишь за мной, переворачиваешь, моешь.

---

¹¹ Загадки – растение из семейства сложноцветных, разновидность бессмертника (*Antennaria dioica* Daertrn). – С. М.

– Молчи, ничего не говори, вот тебе, – протянула ей в платочке свои какие были три-четыре золотые цацки, – возьми. Попрошу тебя только об одном, мальчик уже большой, но всё-таки не бросай, пригляди, доведи сына. – С тем и померла.

Нина Ляксеевна, молодуха моя (новая) к тым цацкам и колечкам не при-тронулась, за икону положила: «Это не мое, это сыну, сынова память будет». Вот тебе и думай, думай, как оно в жизни то поворачивается.

Такие вот, дорогой мой, загадки.

30. «РАЗВЕ МОЖНО ЗАБЫТЬ?»

Я еще помню, в сорок девятом бабушка померла, а дед, мамкин батька, жил с нами. Ни минуты не сидел. Бывало мамка подойдет:

– Тять, как дядя?

– А хорошо, дочушка, эв уж скоко лаптей наплел.

Не хотел быть обузой. Уважали стариков, они и хозяйство вяли и поговорить умели, кладезь мудрости. Ну а тьперь поговори с мужикам, ходють обо-жравши, ой... И почему это так народ повывелся? Они были настоящие работ-ники, как кулак; вот «кулаками» и неправильно называли...

А деда маво раскулачить хотели. За что? За Библию хотели посадить в тюрьму. Как-то по осени, дождь, слякоть, буря, попа пустил переночевать. Оста-вил человек Библию, нечем было за постой расчитаться. Донесли. Дед спрятать успел. Уж после его смерти мы в карнизе дома нашли, – вся зажелтела... И вот хотели... А у деда, Господи, ничего не было лишнего, тоже всю жись на барина работал. Ну, какие там у него, какие-то копейки были...

...Питания никакого не было, батька погиб на войне, ну не было в нас ни-чего, трудно нас было кормить. Это до войны в колхозе, вспоминали, даже бы-ло сливочное масло, на трудодни многодетным давали. А тут всё подчистую, понятно, надо было страну подымать. Я уже всё *шмунил кислятник* этот, в хле-бы прибавляли, всё сушил. Уже и зерно было, а я всё, по старой памяти, *кис-лятник* этот *шмунил*. Мамка говорит: «Сынок, уже у нас теперь зерно есть, не надо». А в мене мяшки насушенные там стоят, *кислятнику*, всё боялся, что опять голод вернется.

Разве это всё можно забыть?

А колокол с церквы сняли, повешен был на нашем амбаре, написано 1825 г., и какой мастер лил, ох лихонько мое! Звонили в колокол на собрание, на работу, на пожар. После яво кто-то разбил молотом и украли, в металлолом сдали, там серябро в нем было, во!

Как вспомнишь, уж это я помню, а не то что мой дед да мамка... Тут можно много рассказывать.

31. «КУЛЁК»

Девки мои, одноклассницы, вот эта Нюрка Смирнова, Ковалёва Надя в 1964 сдавали экзамены на библиотекарей. Я за них полтора месяца работал в клубе, в библиотеке. Только потом я поехал в Калинин, поступил в культпросвет, теперь как вы его зовете «Кулёк», вот в этот «Кулёк» и поступил. Первые посиделки мы начали делать еще в 1964, потом провели осенью праздник «Серпа и молота», спектакли начали ставить. Помню, приехал в Калинин, на площадь Революции, только начинался строиться цирк, было всё огорожено, а мы ходим взад и вперед. На баяне играли *до-ре-ми-фа-соль-ля-си* – в одном месте, а петь бежали в другое. Такой был с-под Торопца Виктор Хасс, жив он, ай не, – не могу сказать. Бабушка одна была у няво и так трудно тож, *йись* было яму нечего. Вот мы соберем какой-никакой, сами были голодные, купим яму батончик, кофейку попьем и всё. Ходим на рынке подбираем, что останется, после в церковь ходили, в Белую Троицу, ой, как вспомнишь. Какие там условия у нас были? Вот я, наверное, полтора года отучился и сильно заболел, долго лежал в больнице. И вот тоже незаконно они меня отчислили. Была такая Трусова, такая сухощавая, – директор культпросвет училища. Я так плакал, так плакал. Ведь не за прогулы... болел. А как я хотел учиться!

Ну, а кто будет за меня хлопотать. Мамка одна – нищая колхозница, денег и на дорогу не было, не то что кому... Ну, от, так и остался я не ученый. А как обидно. Ну, что, теперь ездят опыт перенимать к нам, сценарии рассылаем по всему Союзу, что там. А знал бы я как надо, как по ученому, сколько бы мы сделали, а то всё сами выдумывали, выискивали. Спасибо, всё хорошие да талантливые люди мне попадались, что помогали в клубной работе. Павлова Анна Анисимовна, первая моя учительница, мы с ее руки начали по полтора часа спектакли ставить: «Божье наказание», «Дочь партизана», «Неудача» А. П. Чехова... Литературные праздники проводили в честь М. И. Кутузова, А. В. Суворова, даже Леонардо да Винчи, что ж такой. Бессменной ведущей ворошиловской стала Елена Ивановна Лисина с вечерами «От всей души»...

Это всё творческие люди, личности, мне посчастливилось, что такие хорошие люди встретились на моем пути. Что бы я без них?!

32. «НАРОД»

Добывашки ходят после войны по деревне – никто не пускает ночевать, во всех были семьи большие, а у деда сыновья погибли.

– Идите, Лукашъ примет всех, – говорили *помирушкам*. И вот дед всех принимал и мне наказывал.

– Кто только постучится в наш дом, всех примай, и Господь тебе пошлет... Живи проще, и Бог тебя найдет. А я говорю – все ко мне. А бабы меня ругают.

– Что ты всякую *шэблу* принимаешь, еще отравят, подсыпят посыпки какой, иконы стырят. Ага, ну что ты! А я говорю, – вроде всё хороший народ попадает.

И экстрасенсы были, вот, и математик Кноре такой, всё летами странствует, босиком с Москвы, ой, лихонько, и космонавты были... Зато Таня говорит: «Иван Иваныч, к вам народ как в святую обитель идет». «Что ты, Таня!» – говорю. Да нашелся один проходимец, за горло взял, деньги яму давай, старинные монеты. Ну. И уехал, пропал, куда-то в Минкин Мох¹² провалился, и адресу, как говорится, не оставил. А так народ всё хороший.

Одна баба почитала эту книжоночку, что Петров¹³ написал, ну явилась с сыном, с Москвы. Только мы с мамкой, ище мамка была жива, только отправили туристов, слава Богу, народ ушел, щас всё перемоем, отдохнем, будем свое делать. На! Тут кто-то идет сгорбативши с двум мяшкам.

– Мам, кто-то еще идет?! Прямо с мяшкам вваливаются, крестютца.

– Здравствуйте! Вы Иван Иваныч?

Я говорю: «Я!»

И книжку эту Петрова мне под морду тычуть. Мамка: «Ох, лихонько, опять народ явился!» Вот приехали специально по этой книжке познакомиться, а то не верится, что такой Иван Иваныч существует в самом деле.

Ну и что ж? «Ну пускай мой мальчик побудет». Баба, правда, недельку погостила – собирается. А малец не недельку, а лето, всё лето в меня жил...

33. «СПЛАВ»

Наша Кудь, правый приток Волги, когда-то по ней проходил путь «Из Варяг в Греки», а мне пришлось гонять лес по нашей реке. Сплав начинался весной: апрель, май, когда и до июня. Река хоть и петляет, но по большой воде течение быстрое, только смотри и не мешкай. Жили на плотине и гуляли там праздники, и молодежь приходила с Панова.

Паново – деревня, откуда моя молодуха, ты всё удивлялся, как она часто чешет, у них там во всех такой разговор – ничего не поймешь, что *дребася-лють*, ну часто говорят. Хорошо жили там, и баба Лена наша оттудова. Помню, хмеля нарвал целый картофельный мешок, грибов припер всё белых, это уж по осени. По большой воде и осенью гоняли лес. Лес был накладной по берегам, за нашим поселком, как идешь в Ворошилово на переволоке, мужики за зиму наготовят. Делали такие кошали, так, значить, бревны сбивали как основу, куда срывать лес, а после катером тащили туда до плотины, деревня была Осиновый Рог. Там, через плотину пропускали в ряжу по бревну, распускали этот кошель.

Гнали лес до самого Синего Вира, а там, у Слаутина река Яблоня и наша Кудь вместе сливаются, и там во Вселицкое озеро другая партия уж гнала. Ночевали в Бервенце, жили в бабы, такая Акулина, ейный сын после войны по-

---

¹² Минкин Мох – местное болото. – *Прим. ред.*

¹³ М. Г. Петров. – *Прим. ред.*

дорвался на mine, пахал. В ей так много, помню, икон было в углу, и богомольная была, а давала нам синюшное молоко, в кубанах черных таких, как щас помню.

Вот мы этого снятого молока попрыскаем, да там варили капустную баланду, нам давали, ну и сто грамм спирту, чтобы не заболели. Спирт я копил деду. Ой, бывало, как заложит залом, никак было не распустить эти заломы, Боже мой. По этим бревнам бегаешь взад-вперед; начинаем, несколько человек, раскачиваем, хоть маленько чтоб оно проходило.

Ну, после, как тронутся, – смотри, можешь и сам попасть. Место там, ну уж, сколько змяистое и народу много, а никаво *ня тиснула* на разу. Паганки лядиные так и ползають, ну ничаво. И вот, первого мая получка. Я купил себе штапельную рубаху и часы, и часы где-то живы еще, в пятьдесят шестом году первые мои часы.

34. «В ГОСТЯХ У СКАЗКИ»

В прошлом году проводили праздник «В гостях у сказки» в клубе. Украсили, это, резной наличник сделали, платки так привязали арками, один за другой булавками прикололи, цветки так горят на окне, а в зале потемки, народ впотьмах сидит. Ну вот. «В гостях у сказки». И до чего это там договорились: давай про привидения, страшные всякие истории. У меня было чатыре бабы приглашены, такая Вера Евстигнеева, Тоня Корнилова, Надя Полянская, ну они много тоже знают там про клады, про привидения. А дед Ручьев, ох! как много знал сказок, что ж такой, он у нас на посиделках был первый гость. До чаво до-рассказывались, ребятишки кричат: «Мам, я боюсь с клуба выходить».

– Ну, Господи, а каково боитесь, это ж сказки, батюшка мой, шутки.

– Не-е-е, Иван Иваныч, иди первый, мы опосля...

Ну народ не уходит: «Давайте еще, расскажите еще». И уж за полночь, а мы *всё в гостях у сказки*.

А сколько дед мой знал и про Булата-молодца, после Царевна-Северьявна, и про Ягу, про зверей. Сколько ж дед помнил, и главное они нигде не опубликованы. Я, бывало, со школы иду и дедову сказку одну рассказываю, с Пялино. Туда в Пялино ходили за пять километров. А сколько к нам в дом ходили молодежь дедовы *указы* слушать, ой! Боже мой. Уходит время. Много потеряли, остались одни отголоски. Вот и не упомнишь, деда уж сорок лет как нету, стихов скоко знал: «Задумал я (как-то) жаниться, что-то загрызла тоска. Как на эту-то на беду себе беспокойство наведу. Жену то не бросишь. Вертись не вертись, а лучше брось, Лука, и не женись. Да, что-то чмокнул в щечку я разок, а тут моя метелица вскипятилась, в волоса в мои вцепилась. И давай меня волотузить, ты не смей, нахал, меня конфузить...»

35. «СЦЕНА»

Клуб – это моя основная работа. Как рекомендовала меня весной 1965 г. секретарь парткома Е. И. Лисина на вакантную должность, так с того время и работаю заведующим Ворошиловским домом культуры. С чего начать – не знал, но люди помогли. Сидит бывший секретарь райкома, Философов Владимир Владимирович, надо посмотреть, как Иван Иванович проводит посиделки, распространяет религию. А я говорю: «Какая, к фигу, рялигия, когда это наши исконно русские праздники». Как-то он сидел в зале, я вспомнил, он признался: «Да, да, такое дело было – вас контролировал». Посмеялись.

Главное, что тридцать лет на сцене и не надоел. Уж больше 12 лет «Масленицу», «Русскую березку» («Семик»), посиделки, «Коляду» проводим, ага. Правда, всё сам, что за свой счет, тогда не было моды: ни сельсовет, ни совхоз ничего не давали. А после мои активисты пошли к председателю Прокофьеву: «Иван Григорьевич, что ж такой? Иван проводит всё за свой счет, а вам и нравится. Два мешка картошки из подпола, редьки сажает специально два *ляка* большущих, пиво варит два бака, кваса бан. А в квас надо что-то положить, в окрошку-то в эту: яичек, колбаски, надо побелить – смятанки, лучку». Ну, после этого стало полегче, стали помогать.

Помню, пирогов с малиной напякли, семь пирогов с брусницам – всё снесли так туда, а теперь молодежь не верит, говорят: «Неправда!» Стали помогать.

Бывало, на масленицу пятьсот блинов напекем да не каких попало, а *драчён*. Яйца туда в тесто, масло, ага, три ядра понясли этот *драчён*. Вкусные, рыхлые. А корова уж тогда в нас была хорошая, масла вволю было своего: и так, и натопленного на зиму, ой, лихонько мое! А теперь что ж? Теперь хозяйства нету. Всех обяжать, на репетицию позвать, а семьи, дяла, мужуки ворчат, баб не пускают. Ох, да... Зато как в зале народ радуется. Тут нядавно был концерт. Народу, дождем не смочить! Сцену такую делали. В нас была свинья наряжена. Титьки это тут, лифчиков много рядов, что ж такой. Толстая, с пятаком, валяется на сцене.

Народ кричал в зали, умярли ат смеху. Это по песни «Раз Ярёма в кабаке...», ты знаешь. Ну, а «Еремина жана очень суетилась, / Как настряпала она, в розыски пустилась». И вот она, жана, идет, фартук это, в муке, – трях, трях. «Вот идет она сялом мужика искавши, / А ляжить йеный муж со свиньей обнявши». Хор поет, чуть не ржут. А Ярёма ляжить, ногу на свинью закладаить, та хрюкаить, чмокаить. Ой!

«Палок сорок тут она той свинье вкатила...» А мы ня палку дали ей, а тыю бальшушшую поварешку из музея, что пиво разливают. Она как трахнет, как трахнет по свинье, – народ взаходы, кисьнет. Так вот щас трудно, народу развлекательная программа тоже нужна, ага, и люди довольны, хоть от души посьмеютца. А после это песьня у нас такая:

Светит месяц, светит ясный,
Светит белая луна,

Марья, Дарья, Акулина
Висялить пришли сюда.

Марью любит наш урядник,
Дарью любит счетовод,
Акулину тоже любит
Ворошиловский народ...

Ну, и мне пришлось, падушку сзаду привязали, груди напихали, мачалку на головы, ой лихонько. Народ с ума сходит, ревет народ от смеху:

Акулина выйдет замуж,
Марья скоро тож родит,
Ну и Дарья тоже родит,
Ничаво не повредит...

Урядник был наряжен в старой шинели, счетовод пришел со счетами, Господи, тоже понравилось всем. Ты вот сказал, так я теперь создал наш фольклорный ансамбль, назвал «Иван да Марья», теперь с девками разучиваем, ну, пытаемся петь. Ай, скоко песен бабы увязли с собой в могилу. Ну и так сорок песен, частушек там порядошно есь.

Таня Лебедева¹⁴, моя ученица, здорово мне помогает, учится, перенимает, мене ня будить, я спокоен, у ней получится. Молодец, молодец девка! Да, девок мало, мужики повывелись...

36. «ЗНАЮЩИЙ»

Дед Тимофей знал и поэтому к нему обращались в разных случаях. И по болезни ребенка, и по скоту. Он был потомственным знахарем. Его отец Осип Аввакумович Тихомиров прожил 115 лет, а мать Евпраксия Ивановна – 112 лет, и были сильными знахарями, много умели. Помню, даже частушку пели:

Меня милка измянила,
Это ей так не пройдет,
Я пойду к бабы Евпраксе
Ее судоргой сведет.

Их семью уважали, и побаивались, конечно. Баба знала много трав, лечила, и Тимофей Осипович помогал, вот оставил свои *стихи* от гада, от чирья вреда, от заноз – разные.

Жили они в Михайловщине, недалеко от Крястов, где древний город Лопастаца стоял, там и щас сопок много.

У нас в Перивлоке, я тебе рассказывал, корова никак не заходила во двор, никак в хлев ня шла. Говорят старики, надо ехать за Тимофеем. Ну, на моторке по Куди и поехали, он жил в Михайловщины. Гляжу, деда Тимофея в белой шапке, в белой рубахе, и штаны такие – белые, – спускают там на берег, Кочевник называется место. Кочевье было какое-то вон за моим огородом. И вот, что

---

¹⁴ Т. П. Змеу (Лебедева). – *Прим. ред.*

он там читал, что говорил? Достал с тряпицы соль, посыпал хлебушек, коровушку погладил по хрябтине, почитал, попрыскал водицей и корова пошла следом за ним. Сама пошла. Так же и овечек, так же и тяленка обошел. После к хлеву, как стали подходить, корова туда *вирух*, нюхнула и обратно. Дед говорит: «Стоп!!! Еще и в хляву надо навести порядок».

Что он там читал, закрылся, – слуху не известно. Корова взошла, обнюхала всё, встрепянулась, и пар с нее, – даже мокрая стала. И после всё. Корова стала ходить, как ни в чем не бывало.

Борода белая, широкая, как патриарх. Ня многа до ста не дожил, а сколько знал, ой! Господи. Ну, он всё стихи свои говорил, всё к какому-то богу Басу, да к царице Руны обращался. За глаза-то колдуном звали, а так, чтоб плохого, он никому никогда не делал. В 1908 г. ему было семнадцать лет и помнил он и протоирея В. Успенского, что приезжал к Крястам Лопастецким и как сопки перед войной копали, господ помнил всех поименно, рассказывал много легенд про древние клады и сам был ходячей легендой.

37. «ГРИБЫ»

Нонича горазд сильно грибов много было, а ягод во мху тож, что ни кулёк, что обору не было. А работа, всё некогда, ня выберисьси в грибы-то. Ну как-то улучил момент. Забрался в мох сюда вирох – одни белые, туда вирох – яще больши, ну. Бабы мои поначалу кричали, а потом бросили. Ряшили раз молчит, – уже смылся. А я в лес, а подмасленники всё лучше и лучше. Слышу, ба, что-то хряп там в кустах, гыр, гыр, гыр-гыр.

– Мядьведь! Думаю, что ж это мне делать, – бросать грибы, – грибов жалко, что никлёк грибы. Не, говорю: «Господи, помогай». Полтаблеточки съел, – анаприлину под язык, да, и шаме-шаме, шаме-шаме. И с Божьей помощью ушел. А такая *мастинка* бальшушшая, ой лихонько ты мое! Вот тебе и грибы, дорогой мой.

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ПЕНОВСКОГО КРАЯ В ЗАПИСЯХ И. И. СМИРНОВА

*Подготовка текстов
А. А. Петров,
П. С. кизи Собиржонова*

1. Как во месяце,
Как во месяце
Звезды частые,
Звезды частые.
Ой, люли-люли,
Ой, люли-люли,
Звезды частые¹⁵.

У Иванушки,
У Иванушки
Кудри ясные,
Кудри ясные.
Ой, люли-люли,
Ой, люли-люли,
Кудри ясные.

По плечам лежат,
По плечам лежат,
Словно жар горят,
Словно жар горят.
Ой, люли-люли,
Ой, люли-люли,
Словно жар горят.

Словно жар горят,
Словно жар горят,
Разгораются,
Разгораются.
Ой, люли-люли,
Ой, люли-люли,
Разгораются.

---

¹⁵ В рукописи И. И. Смирнова припев приводится только в первом куплете, что является особенностью ряда записей, сделанных Иваном Ивановичем, поэтому здесь и далее мы приводим некоторые тексты в реконструкции, добавляя припевы, но не уточняя этого отдельно. — *Прим. ред.*

И никто к кудрям,
И никто к кудрям
Не признается,
Не признается.
Ой, люли-люли,
Ой, люли-люли,
Не признается.

Признавалась,
Пригядделася
Да свет-Марьюшка,
Да свет-Марьюшка.
Ой, люли-люли,
Ой, люли-люли,
Да свет-Марьюшка.

Ой ты, Ванюшка,
Ой ты, душечка,
Полюби меня,
Пожалей меня.
Ой, люли-люли,
Ой, люли-люли,
Пожалей меня.

Нарожу тебе
Сыновей-дочек,
Нарожу тебе
Сыновей-дочек.
Ой, люли-люли,
Ой, люли-люли,
Сыновей-дочек.

Заведем семью,
Заведем семью
Всё богатую,
Всё богатую.
Ой, люли-люли,
Ой, люли-люли,
Всё богатую.

Всё богатую,
Всё богатую,
Работящую,
Работящую.

Ой, люли-люли,
Ой, люли-люли,
Работящую¹⁶.

2. Калина с малинушкой рано расцвела,
В это само времечко мать родила.

В это само времечко мать родила,
И это само времечко замуж отдала.

Отдала в семейку незнакомую,
Отдала в семейку несогласную.

Рассержусь на матушку ровно девять лет,
На десятый годушек пташкой полечу.

Полечу и сяду я на батюшкин сад,
В батюшкином садочке горько запою.

Ходит мать по терему, ходит, говорит:
«Что за пташка во саде, что душа болит?»

Если дробна пташечка, лети в темный лесок,
Если мило дитятко, лети в мой теремок».

---

¹⁶ В тетради имеются исправления, связанные, вероятно, с тем, что И. И. Смирнов слышал вариант этой песни:

Всё богатую,
Тороватую,
Всё богатую,
Тороватую.
Ой, люли-люли,
Ой, люли-люли,
Тороватую.

Не спесивую,
Не ломливую,
Не спесивую,
Не ломливую.
Ой, люли-люли,
Ой, люли-люли,
Не ломливую.

Зап. от С. И. Орловой, 1921 г. р., д. Малая Переволока Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл., январь 1977 г. В рукописи Иван Иванович не всегда указывал «паспорт» текста (исполнителя), а также собирателя. Некоторые тексты были записаны М. М. Орловым, поэтому мы будем оговаривать это отдельно; в остальных случаях нас будут интересовать сведения об информанте, без указания на собирателя. – *Прим. ред.*

Калина с малинушкой рано расцвела,
В это само времечко мать родила¹⁷.

3. За грибами в лес девицы толпой собрались,
Как зашли в опушку леса, они разбрелись.

А одна из них девица, притаясь сидит,
Ни грибов не собирает, ни цветов не рвет.
Об одном она мечтает: кто-то вот придет.

Вдруг в кустах раздался шорох, бедная дрожит,
Перед ней красивый барин молодой стоит.

«Ждешь ты, ждешь меня, милая», – ласково сказал
И привлек к своим объятьям, крепко целовал.

4. Кого нету, того жаль,
Уезжает милый вдаль,
Мил уехал и оставил
С руки перстень золотой.

День на рученке носила,
В ночь под голову клала,
Для того его клала,
Чтоб приснился друг во сне.

Соболино тепло одеяло
Не согрело грудь мою,
Все пуховые подушки
Утонули во слезах.

Если б были воски яры,
Себе крылушки слила,
Сливши крылья золотые,
Полетела б в чужой край.

Недалече отлетела,
На уста *р*ечу друг милой:
«Здравствуй, милая, дорогая,
Похудела без меня».

---

¹⁷ Зап. от О. Е. Ивановой, 1919 г. р., С. И. Орловой, 1921 г. р., А. М. Смирновой, 1904 г. р., д. Малая Переволока Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл., 12 января 1960 г. В тетради меется пометка Смирнова: «Святки».

5. Уродилася Душняша
Ни велика, ни мала,
Ни велика, ни мала
Со иными гуляла.

Со иными, со другими,
Любезного лишилась:
«Я за то его лишалась,
Что неверен мальчик был.

Он не верен, не верен,
Не одну меня любил,
Меня горькую, несчастную,
Спокинул-позабыл.

Во горенке сидючи я,
В платочек плакучи,
Плакучи и доючи <!>,
Дружка дожидючи».

«Твои слезы не помога,
Разговор не веселит,
Разговор не веселит,
Мне жениться велит.

Жениться – разориться,
Полтора ста растерять,
Полтора ста растерять,
Велят Дунюшку *узять*.

Велят Дунюшку *узять*,
В терему ее держать».
Я по терему ходила,
Своего мужа будила.

«Ты *устань-ка*, проспись <!>,
Муж, уда ла голова,
Муж, уда ла голова,
Понаехала родня.

Гли новых, *гли* ворот
Дороги гости стоят,
Это гости дорогие,
Мои братцы родные».

«Отойди, жена немила,
Вся родня твоя постыла».
Я заплакала, завыла,
На крылечко выходила,
Своим братцам говорила.

«Ой вы, братцы мои,
Поезжайте домой,
Поезжайте, не *споздайте*,
В темной ночке не плутайте.

Вы свезите, мои братцы,
Всему роду по поклону,
Вы забудьте одной
Только матери родной.

Вы за то ее забудьте,
Что просватала меня,
Просватала, отдала
За немилого дружка.

Понадеялась мамаша
На высокие хоромы,
На раскрашены балконы,
На ясные самовары,
На хрустальные стаканы.

Через блюдце слезы льются,
Свое серебро роню,
Сво<e> серебро роню,
Родню маменьку браню.

Родню маменьку браню,
Что просватала меня,
Просватала, отдала
За немилого дружка,
Не за Ванюшку».

6. Развеселая слободка,
Где мой миленький живет,
Лет семнадцати мальчишка,
Не женатый, холостой.

Как во нонечном годочке
Вздумал мальчик жениться,
Он не ждал <!> в кого спроситься,
Кроме матери с отцом.

Подошел к отцу с поклоном,
Низко кланялся ему:
«Позволь, тятенька, жениться,
Позволь взять, кого хочу».

Отец сыну не поверил,
Что на свете любовь есть:
«Есть на свете люди равны,
Можно каждую любить».

Отвернулся сын, заплакал,
Отцу слова не сказал,
Вышел в садик разгуляться,
Зашел к Маше под окно.

Под окошком *стукатался*:
«Выйди, Маша, на крыльцо».
Снял с правóй руки колечко,
Душе-Машеньке отдал.

«Вот носи, Маша, колечко,
Не увидишь ты меня».
Сам пошел большой дорожкой,
Расширокой-столбовой.

Вынул сабельку вострую,
Обложил <!> он сам себя,
Его буйная головка
Покатилась с плеч долой.

Развеселые глазенки
На свет Божий не глядят,
Воспечальные писёмца
К душе-Машеньке летят.

Маша взяла прочитала –
Друг прикончил жизнь свою,
И тогда отец поверил,
Что на свете любовь есть.

7. Ты, дубовый стол, не скрыпай, не скрыпай;
А ты, Марьюшка, покушай, покушай,
Наших песенок послушай, послушай.
А ты рода большого, большого,
Отца с матерью чесного, чесного.
А как мы тебя да величаем,
Все поименно да называем.
Ты дари певиц не скупяся,
Молодых молодиц да не стыдяся.
Нас девиц-певиц немножко,
Только сорок девиц со девицей, со девицей,
Петьдесят молодиц с молодницей, с молодницей.
А мы пешью к обеденке не ходим, не ходим,
А мы ездим все во каретах, во каретах.
У нас каретушки золотые, золотые,
А конюшки воронные, воронные,
А извозчики молодые, молодые.
Ты, дубовый стол, не скрыпай, не скрыпай¹⁸.

8. Я не верила своей подруге,
Что такая была за любовь,
До чего меня любовь доводит –
До славушки до худой.

Худая славшука пройдет и мимо,
Замуж меня не возьмет:
Ни барин, ни купец,
Ни проезжий молодец.

Век в девушках жить я буду
И за старого замуж не пойду...¹⁹

Мой поедет дружок венчаться,
А <я> сзади за ним пойду,
Он венчаться, а я скончаться,
В сыру землю жить пойду.

9. Как у голубы-голубка
Золотая голова,
Золотая голова,
Подзолоченная.

---

¹⁸ Зап. И. И. Смирнов 16 октября 1967 г.

¹⁹ Пропуск в тетради. – *Прим. ред.*

Золотая голова,
Подзолоченная,
Всяким ниткам,
Шелковинкам,
Перестроченная.

Как мне молодцу
Да молодая жена.
Тото-люли, тото-люли,
Молодая жена.

Я бы летнею порою
На колясочке катал.
Тото-люли, тото-люли,
На колясочке катал.

На колясочке катал,
Коня ворона держал.
Тото-люли, тото-люли,
Коня ворона держал.

Ой ты, конь вороной,
Прокати меня с женой.
Тото-люли, тото-люли,
Прокати меня с женой.

Прокати меня с женой
По деревенке родной.
Тото-люли, тото-люли,
По деревенке родной.

Как у голуба-голуба
Золотая голова.
Тото-люли, тото-люли,
Золотая голова.

10. А кто у нас холост ходит,
А кто у нас не женат?
Ой, люли, не женат,
Ой, люли, не женат?

Иванушка холост ходит,
Иванович не женат.
Ой, люли, не женат,
Ой, люли, не женат.

Время Ване жениться,
Время ехать свататься.
Ой, люли, свататься,
Ой, люли, свататься.

Невестушка-ластушка,
Отворяй-ка ворота,
Принимай-ка жениха.
Ой, люли, жениха,
Ой, люли, жениха.

Я бы рада их открыть,
Буйный ветер в лицо бьет.
Ой, люли, бьет,
Ой, люли, бьет.

С головы платок и рвет,
С головы платок и рвет.
Ой, люли, платок рвет,
Ой, люли, платок рвет.

А кто у нас холост ходит,
А кто у нас не женат?
Ой, люли, не женат,
Ой, люли, не женат²⁰.

11. Ах ты, утушка,
Утка серая, утка серая.

Утка серая, утка серая,
Крылья белые, крылья белые.

Ты ни где была,
А где побывала, а где побывала?

На синём море,
Во чистом поле, во чистом поле.

Во чистом поле
Стоят три шатра, стоят три шатра.

---

²⁰ Зап. от С. И. Орловой, 1921 г. р., д. Малая Переволока Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл., 1977 г.

Шатры браные, шатры браные,
Полотняные, полотняные.

А первой шатер, а первой шатер –
Большой тысячный, большой тысячный...²¹

12. Наша масленица дорогая,
Дорогая, душа дорогая.

Так немножечко постояла,
Постояла, душа, постояла.

А мы думали семь неделек,
Семь неделек, душа, семь неделек.

А она всего семь денечков,
Семь денечков, душа, семь денечков.

Мы на горушке не бывали,
Не бывали, душа, не бывали.

Сыру с маслом мы не едали,
Не едали, душа, не едали.

А у Сашеньки жена-небылица,
Небылица, душа, небылица.

И как сивая, она, кобылица,
Кобылица, душа, кобылица.

За дровами пойдет – разобьется,
Разобьется, душа, разобьется.

За водой пойдет – обольется,
Обольется, душа, обольется.

Станет хлебы печь – обожрется,
Обожрется, душа, обожрется.

Наша масленица дорогая,
Дорогая, душа, дорогая.

---

²¹ Далее следует пропуск в наших фотоматериалах. После этого текста идет запись масленичной песни «Наша масленица всё катлива...», записанная от ветерана труда А. П. Лебедевой, 1898 г.р., д. Малая Переволока Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл., 1979 г. – *Прим. ред.*

13. А мы масленицу повстречали,
Повстречали, душа, повстречали.

Мы на горушке не бывали,
Не бывали, душа, не бывали.

Мы на горушке лен пахали,
Лен пахали, душа, лен пахали.

У нашем льну – травы нету,
Травы нету, душа, травы нету.

Только одна *трава-повилица*,
Повилица, душа, *повилица*.

У Петра жена-небылица,
Небылица, душа, небылица.

А толочь, молоть она не *дужая*,
Не *дужая*, душа, не *дужая*.

А плясать, скакать, ох, *дужая*,
Ох, *дужая*, душа, ох, *дужая*.

За пивом пойдет – обопьется,
Обопьется, душа, обопьется.

Станет печь блины – обожрется,
Обожрется, душа, обожрется.

А мы масленицу повстречали,
Повстречали, душа, повстречали²².

14. У нашем садочке,
У нашем зеленом,
У нашем зеленом.

Там никто не ходит,
Никто не гуляет,
Никто не гуляет.

---

²² Зап. от Т. С. Никоноровой, 1905 г. р., д. Поляны Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл., 17 февраля 1980 г.

Ай, Ванюшка ходит,
Душечка гуляет,
Душечка гуляет.

Он *тамо* гуляет,
Сапог не ломает,
Сапог не ломает.

Сапог не ломат,
Чулок не марает,
Чулок не марает.

Он коня седлает,
А конь с ним играет,
А конь с ним играет.

На коня садится,
А конь веселится,
А конь веселится.

Он плеточкой машет,
А конь под ним пляшет,
А конь под ним пляшет.

На поле въезжает,
Всё поле *вкрашает*,
Всё поле *вкрашает*.

Полюшко *вкрашает*,
Девушки встречают,
Красные встречают.

Поди, наш хороший,
Поди, наш пригожий,
Поди, наш пригожий.

Давно дожидались,
Сильно соскучались,
Сильно соскучались.

Сильно соскучались,
В постелюшку клали,
В постелюшку клали.

В постелюшку клали,
В изголовье слали,
В изголовье слали.

У нашем садочке,
У нашем зеленом,
У нашем зеленом.

Примечание: исполнялась для молодого князя после венца²³.

15. Выходил князь молодой
На крутую гору,
Он трубил трубочку
Да серебряну.

Отдавал весточку
Тестю-батюшке,
Девять варей, девять варей,
Чтоб он пива варил.

Десятую варочку –
Зеленого вина,
Десятую варочку
Зеленого вина.

Выходил князь молодой
На крутую гору,
Он трубил трубочку
Да серебряну.

Отдавал весточку
Теще-матушке,
Отдавал весточку
Теще-матушке.

Девять печей, девять печей
Пирогов пеки,
Десятая варочка –
Мягких курничков.

Примечание: исполняют, когда жених отправляется за невестой²⁴.

²³ Зап. от А. А. Степановой, 1914 г. р., с. Ворошилово Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл.

²⁴ Зап. 15 фев.<раля> 1980 г.

16. Ты река моя, реченька,
Да ты, река ли моя, быстрая,
Ты крутая бережистая.

Бежит речка не всколыхнется,
Бежит речка не всколыхнется;
Сидит Маша не усмехнется,
Сидит Маша не усмехнется.

Отчего же мне смеяться,
Отчего же мне смеяться,
Пришло время слезоватися,
Пришло время слезоватися.

Вы, сестрицы мои, подруженки,
Вы, сестрицы, мои ластушки,
Не *всыпайтесь* в темной ночушке,
Не *всыпайтесь* в темной ночушке.

Вы слетайте к церкви-матушке,
Вы слетайте к церкви-матушке
И ударьте в большой колокол.

И чтоб раздалась вся сыра земля,
И чтоб раздалась вся сыра земля,
И открылась гробовая доска.

И восстала родна матушка,
И восстала родна матушка,
Благословити красну девицу,
Баславить красну девицу.

Примечание: исполнялась для невесты-сироты²⁵.

17. Ты, дубовый стол,
Не стучай, не стучай.

Ты, Ванюшка,
Послушай, послушай.

---

²⁵ Зап. от А. А. Степановой, 1914 г. р., с. Ворошилово Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл., 10 февраля 1980 г.

А как мы тебя
Да величаем, величаем.

Все поименно
Да называем, да называем.

А ты, Ванюшка,
Дружочек, дружочек.

Размалиновый
Душочек, душочек.

У нас к обеденке
Пешью не ходят, не ходят.

Мы на конях
Все разъезжаем, все разъезжаем.

А кони у нас
Воронные, воронные.

А извозчики все
Молодые, молодые.

Ты, дубовый стол,
Не стучай, не стучай.

Примечание: величают дружка или жениха²⁶.

18. Летал соловей,
Ох, по закустовью,
Летал соловей.

Поймал соловей,
Ох, канареечку,
Поймал соловей.

Щебетали по ей,
Ох, дробны пташечки,
Щебетали по ей.

---

²⁶ Зап. от А. А. Степановой, 1914 г. р., с. Ворошилово Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл., 10 февраля 1980 г.

Вы не плачьте по ей,
Дробны пташечки,
Вы не плачьте по ей.

Я давно соловей,
Ох, с ней свыкаюся,
Я давно соловей.

С одного кустушка,
Ох, мы росу пили,
С одного кустушка.

Одной ягодой,
Ох, мы закусывали,
Одной ягодой²⁷.

19. Ваня в Питере родился,
В село жить переселился,
Взял цыганочку замуж за себя,
Взял цыганочку замуж за себя.

Цыганочка говорила,
Поселянску жизнь бранила:
«Поселяне мало ночью спят,
Поселяне мало ночью спят.

Друг за другом торопятся,
Хотят с полюшка убраться
До большого частого дождя,
До большого частого дождя».

Тучка с громом заходила,
Ее ветром разносило,
Что шелковая в поле трава,
Что шелковая в поле трава.

Посылала Ваню мать
Яровое жито жать,
Не хотелось Ванюшке *итить*,
Не хотелось Ванюшке *итить*.

---

²⁷ Зап. от Ф. В. Смирновой, 1920 – апрель 1994 гг., д. Нелегино Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл., 8 февраля 1980 г.

Ваня вышел на крыльцо,
Положил серпок на плечо,
И дорогой Ванюшка пошел,
И дорогой Ванюшка пошел.

Он шел большой дорожкой,
Не нашел своей полоски,
Становился чужое жито жать,
Становился чужое жито жать.

Как со этой Ваня муки
Перерезал серпом руки,
И заплакал Ванюшка пошел,
И заплакал Ванюшка пошел.

Недалече Маша жала,
Платком ручки первязала,
Приутешила алую кровь,
Приутешила алую кровь.

Ваня очень возражал,
Снопок с пясточку нажал,
На Машеньку Ваня проглядел,
На Машеньку Ваня проглядел.

Иди, Ванюшка, домой,
Ко женушке молодой.
Иди, Ванюшка, домой,
Ко женушке молодой²⁸.

20. Горда я боярыня,
Горда я боярыня,
Ой, люли, боярыня.

Да и Марья Васильевна,
Да и Марья Васильевна,
Ой, люли, Васильевна.

Никого не взлюбила,
Никого не взлюбила,
Ой, люли, не взлюбила.

---

²⁸ Зап. от М. В. Смирновой, Ф. В. Смирновой, д. Вит<ь>бино Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл., 1975 г.

Да ни пива пьяного,
Ни вина зеленого,
Ой, люли, зеленого.

Только она возлюбила,
Только она возлюбила,
Ой, люли, возлюбила.

У Василья на ручке спать,
У Лександра на другой,
Ой, люли, на другой.

Ох, лежит как *любочка*,
Ох, дышет как *душечка*,
Ой, люли, как *душечка*.

Рукавом накинувша,
Ко сердцу притиснувша,
Ой, люли, притиснувша.

Ко сердцу ретивому,
К живому терпливому,
Ой, люли, терпливому.

Ты живот, Василий-свет,
Ты живот, Лександрович.

Полюби же меня,
Пожале<й же> меня²⁹.

21. Как по ельничку, по березничку,
Ой, люли-люли, по березничку.

Да по горькому по осинничку,
Ой, люли-люли, по осинничку.

Здесь ходил-гулял добрый молодец,
Ой, люли-люли, добрый молодец.

Добрый молодец, да Иван-то свет,
Ой, люли-люли, Иванович.

---

²⁹ Зап. М. М. Орлов, 1980 г.

У него кудри, кудри русые,
Ой, люли-люли, русые.

По плечам лежат, точно жар горят,
Ой, люли-люли, точно жар горят.

Точно жар горят, разгораются,
Ой, люли-люли, разгораются.

И никто к кудрям не признается,
Ой, люли-люли, не признается.

Признавалась, да и Марья-свет,
Ой, люли-люли, да и Марья-свет.

Завила кудри, да и Марья-свет,
Ой, люли-люли, да и Марья-свет.

Завила кудри, сама прочь пошла,
Ой, люли-люли, сама прочь пошла.

Сама прочь пошла, поклонилась,
Ой, люли-люли, поклонилась.

Поклонилась, похвалилась,
Ой, люли-люли, похвалилась.

Я люблю дружка, ох, хорошего,
Ой, люли-люли, ох, хорошего.

Уж я умного и разумного,
Ой, люли-люли, и разумного.

Уж я чистого и речистого,
Ой, люли-люли, и речистого³⁰.

22. Как по лугу, лугу,
Лугу зеленому,
Лугу зеленому.

Там бежали кони,
Кони вороные,
Кони вороные.

---

³⁰ Зап. в январе 1980 г.

Кони вороные,
Седла строевые,
Седла строевые.

На седлах бояре,
Бояре молодые,
Бояре молодые.

На боярах платье
Не зелено – сине,
Не зелено – сине.

Не зелено – сине,
Парчою покрыто,
Парчою покрыто.

Парчою покрыто,
Жемчугом увито,
Жемчугом увито.

Как при этом платье
При городе жити,
При городе жити.

При городе жити,
Боярами слыти,
Боярами слыти.

Судьи рассуждайте,
Баре разъезжайте,
Баре разъезжайте.

Который похуже,
Того на работу,
Того на работу.

Который получше,
Того по уезду,
Того по уезду.

Сам я догадался,
При казне остался,
При казне остался.

При казне остался,
С девкам рассчитался,
С девкам рассчитался.

Как по лугу, лугу,
Лугу зеленому,
Лугу зеленому.

23. Не сиди, Василий-свет,
Не сиди, Федорович.

У коня сена нету,
У коня сена нету.

Ты возьми остру косу,
Ты возьми остру косу.

Подкоси зеленый луг,
Подкоси зеленый луг.

Это сено *межанинка*,
Это сено луговое.

Под дождем не бывало,
Под росой не лежало.

Не сиди, Василий-свет,
Не сиди, Федорович.

Примечание: исполнялась для свата или свекра³¹.

24. Ох, елка, моя елочка,
Ох, елка зеленая.

Да ты скажи, моя елочка,
Да ты скажи, моя зеленая.

Да всё с тобой вишенья,
Да всё с тобой зеленая?

Да всё со мной вишенья,
Да всё со мной зеленая.

---

³¹ Зап.М. М. Орлов, 7 января 1980 г.

Только нет со мной дорогих гостей,
Только нет со мной дорогих гостей.

Да родимой-родной матушки,
Да родимого батюшки.

Нарядить, справить есть кому,
Благословить меня некому.

Под венцом Божьим страшно стоять,
Под венцом Божьим страшно стоять.

Белы ручки опустятся,
Скоры ножки подломятся.

Ретивое испугается,
Ретивое испугается.

Примечание: исполнялась для невесты-сироты³².

25. Ягодка да малиника,
Ягодка да малиника.

Что не Бог ли тебя уродил,
Что не Бог ли тебя уродил.

Во честную обеденку,
Во честную обеденку,

*Во ва раннюю заутренку,
Во ва раннюю заутренку.*

Белую да румяную,
Белую да румяную.

Что белее снега белого,
Что белее снега белого.

Что краснее мака красного,
Что краснее мака красного.

Под окошком сидючи,
Под окошком сидючи.

---

³² Зап. М. М. Орлов, январь 1980 г.

На красное солнце гляючи,
На красное солнце гляючи.

Сваво Ваню поджидаяючи,
Сваво Ваню поджидаяючи.

Ягодка да малининка,
Ягодка да малининка.

*Примечание: исполнялась для невесты*³³.

26. Где сидит Марьюшка, там не надо свеча,
Где сидит Марьюшка, там не надо свеча.

Светит ее, светит ее золотая казна,
Светит ее, светит ее золотая казна.

Знать, ее мать, знать, ее мать в саду родила,
Знать, ее мать, знать, ее мать в саду родила.

Во саду родила да под яблонькой,
Во саду родила да под кудрявою.

Знать, ее мать, знать, ее мать калачом вскормила,
Знать, ее мать, знать, ее мать калачом вскормила.

Калачом вскормила, сытой выпоила,
Калачом в кормила, сытой выпоила.

Где сидит Марьюшка, там не надо свеча,
Где сидит Марьюшка, там не надо свеча.

*Примечание: исполнялась для невесты*³⁴.

27. Ой ты, пташечка полевая,
Полевая, душа, полевая.

Ой, где ты ноченьку <ночевала>,
Ночевала, душа, ночевала.

---

³³ Зап. М. М. Орлов, январь 1980 г. Далее более поздняя запись: Е. Л. Михайлова, 1948 г. р., д. Переволок<а>, запись в д. Нечаещина. – *Прим. ред.*

³⁴ Зап. от С. И. Орловой, 1921 г. р., д. Малая Переволока Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл., 18 мая 1977 г. Здесь и далее год рождения этого информанта Иван Иванович указывает не 1921, а 1922; в публикации мы оставляем год рождения 1921. – *Прим. ред.*

Во сыром бору под кусточком,
Под кусточком, душа, под кусточком.

Под ракитовым под листочком,
<Под листочком>, душа, под листочком.

Здесь шли-прошли скоморохи,
Скоморохи, душа, скоморохи.

Они срезали по пруточку,
По пруточку, душа, по пруточку.

Они сделали по гудочку,
По гудочку, душа, по гудочку.

Ох, гудочки, вы не гудите,
Не гудите, душа, не гудите.

Меня, младу, вы не будите,
Не будите, душа, не будите³⁵.

28. Сосну секут, сосну секут сверха дерева,
Сосну секут, сосну секут сверха дерева.

Марью ведут, Марью ведут с висока терема,
Марью ведут, Марью ведут с висока терема.

Просит она, просит она коня в батюшки,
Просит она, просит она коня в батюшки.

Батюшкин конь, батюшкин конь не ступил, не пошел,
Батюшкин конь, батюшкин конь не ступил, не пошел.

Просит она, просит она у князя коня,
Просит она, просит она у князя коня.

Князев конь, князев конь и ступил, и пошел,
Князев конь, князев конь и ступил, и пошел.

И ступил, и пошел, и уздой тряхнул,
И ступил, и пошел, и уздой тряхнул.

---

³⁵ Зап. от С. И. Орловой, 1921 г. р., д. Малая Переволока Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл., 20 августа 1975 г.

Сосну секут, сосну секут сверха дерева,
Сосну секут, сосну секут <сверха дерева>³⁶.

29. Ой ты, Марья белая,
Ой ты, Марья белая,
Ой, люли, белая,
Ой, люли, белая.

Отчего ж ты белая,
Отчего ж румяная,
Ой, люли, румяная,
Ой, люли, румяная.

У ней было два брата,
У ней было два брата,
Ой, люли, два брата,
Ой, люли, два брата.

Ой, два брата-сокола
В синем море летали,
Ой, люли, летали,
Ой, люли, летали.

С моря пену сымали,
С моря пену сымали,
Ох, люли, сымали,
Ох, люли, сымали.

Оттого ты белая,
Оттого румяная,
Ой, люли, белая,
<Ой>, люли, румяная.

30. Вился вихор, вился вихор
Перед тучею, перед тучею.

Кланялся зять, кланялся зять
Перед тещею, перед тещею.

Теща моя, теща моя,
Теща ласковая, теща ласковая.

---

³⁶ Зап. от О. Е. Ивановой, 1919 г. р., С. И. Орловой, 1921 г. р., д. Малая Переволока Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл., 15 мая 1977 г.

Выдай мне, дай, выдай мне, дай
Мою суженую, мою суженую.

Выходила теща, <выходила теща>
На крутое крыльцо, на крутое крыльцо.

Выводила теща, <выводила теща>
Старых баб толпу, старых баба толпу.

В этой толпе, в этой толпе
Да не радость моя, да не радость моя.

Выходила теща на крутое крыльцо,
Выводила теща красных девок толпу.

Выходила теща на крутое крыльцо,
Выводила теща красных девок толпу.

В этой толпе, в этой толпе
Моя суженая, моя суженая.

Вился вихор, вился вихор,
Перед тучею, перед тучею³⁷.

31. Плавала чарочка по сладкому меду,
Плавала чарочка по сладкому меду.

Ох, некому чарочку изловити,
Ох, некому чарочку изловити.

Ох, изловил чарочку Иванушка-князь,
Ох, изловил чарочку Иванушка-князь.

Ой, пользуйся, пользуйся молодой женой,
Ой, пользуйся, пользуйся молодой женой.

Ох, выкуши, выкуши меду, жена,
Ох, выкуши, выкуши меду, жена.

Ох, что-то мне всё не можется,
Ох, что-то мне всё не можется.

---

³⁷ Зап. от А. Т. Калибиной, 1914 г. р., д. Большая Переволока Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл., 10 апреля 1974 г.

А больше того – да не здоровится,
А больше того – да не здоровится.

Плавала чарочка по сладкому меду,
Плавала чарочка по сладкому меду³⁸.

32. Вдоль по морю, вдоль по морю,
Вдоль по морю, морю синему,
Вдоль по морю, морю синему.

Плывет лебедь, плывет лебедь,
Плывет лебедь, лебедушка белая,
Плывет лебедь, лебедушка белая.

Неоткуль взялся, *неоткуль* взялся,
Неоткуль взялся разудалый молодец,
Неоткуль взялся разудалый молодец.

Разбил лебедь, разбил лебедь,
Разбил лебедь, лебедушку белую,
Разбил лебедь, лебедушку белую.

Неоткуль лебедь, *неоткуль* взялась,
Неоткуль взялась раскрасавица-душа,
Неоткуль взялась раскрасавица-душа.

Брала перья, брала перья,
Брала перья, приговаривала,
Брала перья, приговаривала.

Эти перышки, эти перышки,
Эти перья на перинушку дружку,
Эти перья на перинушку дружку.

А мелкий пух, а мелкий пух,
А мелкий пух на *зголовице* ему,
А мелкий пух на *зголовице* ему.

Вдоль по морю, вдоль по морю,
Вдоль по морю, морю синему,
Вдоль по морю, морю синему³⁹.

---

³⁸ Зап. от С. И. Орловой, 1921 г. р., д. Малая Переволока Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл., 10 января 1972 г. Примечание Ивана Ивановича: «Эта песня ей не нравилась».

33. Пошла наша Дуня
В гости на морковку.

Шихер-вихер-матрашихин,
Ширма-тыркин, юр-юркин.

Принесла Дуняша
Три пуда кудели.

Шихер-вихер-матрашихин,
Ширма-тыркин, юр-юркин.

Пряла, ткала Дуня
Потоньше полена,
Потолще оглобли.

Шихер-вихер-матрашихин,
Ширма-тыркин, юр-юркин.

В изгороду ткала <!>,
Кольев <!> потыкала.

Шихер-вихер-матрашихин,
Ширма-тыркин, юр-юркин.

Челнок уронила,
Пять баб задавила.

Шихер-вихер-матрашихин,
Ширма-тыркин, юр-юркин.

Пошла наша Дуня
В гости на морковку.

Шихер-вихер-матрашихин,
Ширма-тыркин, юр-юркин⁴⁰.

34. Стелется и вьется,
Стелется и вьется
Шелка трава по лугам,
Шелка трава по лугам.

---

³⁹ Зап. от А. Т. Калибиной, 1914 г. р., д. Большая Переволока Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл.

⁴⁰ Зап. от А. А. Андреевой, 1892 г. р., д. Большая Переволока Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл., октябрь 1965 г.

Целует-милует,
Целует-милует
Иван свою Марьюшку,
Иван свою Марьюшку.

Стелется и вьется,
Стелется и вьется
Шелка трава по лугам,
Шелка трава по лугам.

Жена, моя барыня,
Жена, моя барыня,
Наливная ягода,
Наливная ягода.

Стелется и вьется,
Стелется и вьется
Шелка трава по лугам,
Шелка трава по лугам.

Роди сына во меня,
Роди сына во меня,
А дочерю во себя,
А дочерю во себя.

Стелется и вьется,
Стелется и вьется
Шелка трава по лугам,
Шелка трава по лугам.

Сынок – моя перемена,
Сынок – моя перемена,
А дочь – перепутье,
А дочь – перепутье.

Стелется и вьется,
Стелется и вьется
Шелка трава по лугам,
Шелка трава по лугам.

Куда ль я поеду,
Куда ль я поеду,
К дочери заеду,
К дочери заеду.

Стелется и вьется,
Стелется и вьется
Шелка трава по лугам,
Шелка трава по лугам.

Примечание: величальная для невесты и жениха⁴¹.

35. Ягода с ягодой сокатила,ся,
Ягода с ягодой сокатила,ся.

Ягода ягоде поклонилася,
Ягода ягоде поклонилася.

Ягода ягодку за руку брала,
Ягода ягодку за руку брала.

Ягода ягоду и в терем вела,
Ягода ягоду и в терем вела.

36. Посеяли девки лен,
Посеявши, *польли*.

Подай балалайку,
Подай балалайку,
Подай балаечку сюда.

Посеявши, *польли*,
Белы ручки *колыли*.

Подай балалайку,
Подай балалайку,
Подай балаечку сюда.

У Ванюши-кудряша
Нету денег ни гроша.

Подай балалайку,
Подай балалайку,
Подай балаечку сюда.

---

⁴¹ Зап. от А. Т. Калибиной, 1914 г. р., д. Большая Переволока Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл., май 1969 г.

Сошьем Ване рубашку
С кленового листушку.

Подай балалайку,
Подай балалайку,
Подай балаечку сюда.

Сделаем ему петельку,
Еловую завертку.

Подай балалайку,
Подай балалайку,
Подай балаечку сюда.

Пришьем ему пуговку,
Еловую шишечку.

Подай балалайку,
Подай балалайку,
Подай балаечку сюда.

Нету денег ни гроша,
Пропадай твоя душа.

Подай балалайку,
Подай балалайку,
Подай балаечку сюда.

Посеяли девки лен,
Посеявши, *польли*.

Подай балалайку,
Подай балалайку,
Подай балаечку сюда.

37. Приходила коледа
Накануне Рождества.
Кто даст коледы,
Тому двор животов,
Огород огурцов.
А кто не даст коледы,
Тому двор чертей,
Огород червей⁴².

---

⁴² Зап. от Л. М. Михайлова, 1876 г. р., д. Малая Переволока Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл., январь 1960 г. Умер 24 мая 1960 г.

38. Раз Ерема в кабаке
Водки нализался
И с бутылкою в руке
К дому пробирался.

Вот идет дорогой он,
Песню напевая,
Сам с собою речь ведет,
Водку нахваляя.

«Вот так выпил ничего,
Загулял на славу!»
И Ерема тут упал
В грязную канаву.

По дороге тем селом
И свинья ходила
И над пьяным мужиком
Ловко подшутила.

Подошла она к нему
И в грязи порылась,
И к Ереме, как жена,
К боку привалилась.

Спит наш бедный Еремей,
Спит и в ус не дует,
А свинью вместо жены
В пяточок целует.

А еремина жена
Очень суетилась,
Как состряпала она,
В розыски пустилась.

Вот бежит она селом,
Мужика искавши,
А лежит *еёный* муж,
Со свиньей обнявша.

Тут еремина жена
Сразу догадалсь,
Палку новую взяла
И к свинье подкралась.

Палок сорок так она
Той свинье вкатила,
Чтоб уж больше та
Свинья мужа не любила⁴³.

39. Подружки, вы сестрицы,
Вам счастье, а мне нет,
Не легче ли мне было
Живой в могилу лечь.

Я лягу, вы заройте,
Скажите – умерла,
До <о>статней капли крови
Я была влюблена.

Как я его любила
И он любил меня,
Любовь моя напрасна,
Он вскоре изменил.

Он редко ко мне ходит,
Терзает грудь мою,
Не *идет*, не *идет* мой милый, –
Сама к нему пойду.

Иду, а ветер веет,
На свет едва гляжу,
Иду, а сердце болит-ноет,
Что ближе подхожу.

К калитке подходила
И стала у дверей,
А сердце ретивое
Забилось сильней.

К калитке подходила
И брала за замок,
Прислуга выходила,
Мне двери отперла.

---

⁴³ Зап. от К. Д. Петраковой, 1918 г. р., д. Витьбино Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл., 16 окт.<ября> 1978 г.

Брала меня за руку,
По комнатам вела;
Все комнаты открыты,
Одна лишь заперта.

«Откройте эту залу,
Где мой милый сидит».
Вхожу я в эту залу
И вижу пред собой:

Изменник на диване
Целуется с другой.

Не верь, не верь, девица,
Ты больно молода,
Изменит он, девица,
Как изменил меня⁴⁴.

40. Как по морю, как по морю,
Как по морю, море синему,
Как по морю, море синему.

Плыла лебедь, плыла лебедь,
Плыла лебедь, лебедушка белая,
Плыла лебедь, лебедушка белая.

Плыла лебедь, плывша лебедь,
Плыла лебедь, встрепенулася,
Плыла лебедь, встрепенулася.

Под ней вода, под ней вода,
Под ней вода всколыхнулася,
Под ней вода всколыхнулася.

Где ни взялся, где ни взялся,
Где ни взялся рассизой-сизой орел,
Где ни взялся рассизой-сизой орел.

Убил лебедь, убил лебедь,
Убил лебедь, лебедушку белую,
Убил лебедь, лебедушку белую.

---

⁴⁴ Зап. от К. Д. Петраковой, 1918 г. р., д. Витьбино Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл.

Пустил руду, пустил руду,
Пустил руду по синёму по морю,
Пустил руду по синёму по морю.

А белый пух, а белый пух,
А белый пух по поднебесью летит,
А белый пух по поднебесью летит.

Где ни взялась, где ни взялась,
Где ни взялась красна девица-душа,
Где ни взялась красна девица-душа.

Брала перья, брала перья,
Брала перья во перинушку дружку,
Брала перья во перинушку дружку.

А мелкий пух, а мелкий пух,
А мелкий пух в изголовьице ему,
А мелкий пух в изголовьице ему.

Где ль ни взялся, где ль ни взялся,
Где ль ни взялся разудалый молодец,
Где ль ни взялся разудалый молодец.

На Бог помочь, на Бог помочь,
На Бог помочь, красна девица-душа,
На Бог помочь, красна девица-душа.

Спесивая, спесивая,
Мне спесивая «спасибо» не дала,
Мне спесивая «спасибо» не дала.

Добро, девка, добро, девка,
Добро, девка, добро, красная,
Добро, девка, добро, красная.

И то будет, и то будет,
И то будет, что за мной будешь гонять,
И то будет, что за мной будешь гонять.

За мной гонять, за мной гонять,
За мной гонять, низко кланяться,
За мной гонять, низко кланяться⁴⁵.

---

⁴⁵ Зап. от К. Д. Петраковой, 1918 г. р., д. Вит<ь>бино Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл.

41. О чем задумался, служивый,
О чем горюешь, молодой,
Аль служба-матка надоела,
Аль конь лихой твой заболел?

Конек болезни не боится,
Здорово, весело и ржет,
Коню на месте не стоится,
Он землю-матку грозно бьет.

Меня начальство отпускало
Проведать маменьку с отцом,
И я пойду в *тае* сторонку,
Где отец с маменькой живет.

Я прихожу в *тае* деревню,
Стоит там старая изба,
И в этой старенькой избушке
Горит лампада, как луна.

Перед иконами святыми
Лежит старушка, мать моя:
Она про сына вспоминает,
Что сын далече от меня.

Она не успела сказать слова,
Как сын вступает на порог:
«Вы все ль живы, мои родные,
Жива ль маменька моя?»

Я пришел к тебе, мамаша,
Благословения попросить,
Благослови меня, мамаша,
На чужую сторону.

*Мамаша сына бославила, отдала Богу душу*⁴⁶.

42. Через речку черемушка лежала,
Через речку черемушка лежала,
Тото-люли, тото-люли, всё лежала.

---

⁴⁶ Зап. от А. А. Степановой, 1914 г. р., с. Ворошилово Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл., 7 января 1981 г. Примечание: «Старинная солдатская песня. Когда служили по 25 лет, бабушка моя пела, – всп.<оминает> Александра Антоновна Степанова».

По этой черемушке никто не ходит,
По этой черемушке никто не ходит,
Тото-люли, тото-люли, не ходит.

Ох, Ваня-душа он и ходит,
Ох, Ваня-душа он и ходит,
Тото-люли-тото, люли, и ходит.

Ох, Марью-душу да переводит,
Ох, Марью-душу да переводит,
Тото-люли, тото-люли, переводит.

Перевевши ее, он *успросит*,
Перевевши ее, он *успросит*,
Тото-люли, тото-люли, *успросит*.

Ох, Марьюшка, скажи правду,
Ох, Марьюшка, скажи верну,
Тото-люли, тото-люли, скажи верну.

А кто ж тебе да всех милее,
А кто ж тебе да всех роднее,
Тото-люли, тото-люли, всех роднее?

Родный батюшка всех милее,
Родна матушка всех роднее,
Тото-люли, тото-люли, всех роднее.

По этой черемушке никто не ходит,
По этой черемушке никто не ходит,
Тото-люли, тото-люли, не ходит.

Ох, Ваня-душа он и ходит,
Ох, Ваня-душа он и ходит,
Тото-люли, тото-люли, и ходит.

Ох, Марью-душу да переводит,
Ох, Марью-душу да переводит,
Тото-люли, тото, люли-переводит

Перевевши ее, он *успросит*,
Перевевши ее, он *успросит*,
Тото-люли, тото-люли, *успросит*.

Ох, Марьюшка, скажи правду,
Ох, Марьюшка, скажи верну,
Тото-люли, тото-люли, скажи верну.

А кто ж тебе да всех милее,
А кто ж тебе да всех роднее,
Тото-люли, тото-люли, всех роднее?

Иванушка всех милее,
Иванушка всех роднее,
Тото-люли, тото-люли, всех роднее.

Через речку черемушка лежала,
Через речку черемушка лежала,
Тото-люли, тото-люли, всё лежала.

43. В одном прекрасном месте
На берегу реки
Стоял красивый домик,
В нем жили рыбаки.

Там жил рыбак с рыбачкой,
Рыбацкого труда,
У них было три сына –
Красавцы хоть куда.

Один любил крестьянку,
Другой любил княжну,
А третий, всех моложе,
Охотника жену.

Вот раз под вечеринку
<Он справился на день>
И встретил там цыганку –
Сумела ворожить.

Раскинула все карты,
Боится говорить:
«Твоя жена не верна –
Семерка там лежит».

Охотник удивился,
Цыганке заплатил,
А сам тропой знакомой
Домой поворотил.

Подходит он – и к дому,
И видит у крыльца:
Его жена – в объятьях,
Целует рыбака.

Охотник рассердился,
Злодея застрелил,
Своей жене неверной
Кинжал он в грудь вонзил.

Откуда ни возьмися
Родная мать пришла...⁴⁷

44. Уродилась Дуняша
Ни велика, ни мала,
Ни велика, ни мала.

Подай балалайку,
Подай балалайку,
Подай балалаечку сюда.

Ни <велика>, ни мала,
Почти семь пудов была.

Подай балалайку,
Подай балалайку,
Подай балалаечку сюда.

Почти семь пудов была,
Со парнями гуляла.

Подай балалайку,
Подай балалайку,
Подай балалаечку сюда.

Как повадился ко Дуне
Свет-Иванушка ходить.

Подай балалайку,
Подай балалайку,
Подай балалаечку сюда.

---

⁴⁷ Текст заканчивается. – *Прим. ред.*

Свет-Иванушка ходить,
Дуню красную любить.

Подай балалайку,
Подай балалайку,
Подай балалаечку сюда.

Ой ты, Дуняшка моя,
Выйди замуж за меня.

Подай балалайку,
Подай балалайку,
Подай балалаечку сюда.

Выйди замуж за меня,
Казна золота полна.

Подай балалайку,
Подай балалайку,
Подай балалаечку сюда.

Казна золота полна,
Будешь Ванина жена.

Подай балалайку,
Подай балалайку,
Подай балалаечку сюда.

А не золотом мне жить,
Ваню милого любить.

Подай балалайку,
Подай балалайку,
Подай балалаечку сюда.

Уродилась Дуняша
Ни велика, ни мала,
Ни велика, ни мала.

45. У нас нонче субботея,
У нас нонче субботея.

Барыня ты моя,
Сударыня ты моя, субботея.

А на завтра воскресенье,
А на завтра воскресенье.

Барыня ты моя,
Сударыня ты моя, суббота.

Ко мне ноньче друг-Ванюша приходил,
Ко мне ноньче друг-Ванюша приходил.

Барыня ты моя,
Сударыня ты моя, суббота.

<Три> кармана приносил, да,
<Три> кармана приносил, да.

Барыня ты моя,
Сударыня ты моя, суббота.

Первый карман – со деньгами,
Первый карман – со деньгами.

Барыня ты моя,
Сударыня ты моя, суббота.

Другой карман – с орехами,
Другой карман – с орехами.

Барыня ты моя,
Сударыня ты моя, суббота.

Третий карман – со изюмом,
Третий карман – со изюмом.

Барыня ты моя,
Сударыня ты моя, суббота.

Со деньгами любить можно,
Со деньгами любить можно.

Барыня ты моя,
Сударыня ты моя, суббота.

От орехов зубам больно,
От орехов зубам больно.

Барыня ты моя,
Сударыня ты моя, субботея.

От изюма губы сладки,
От изюма губы сладки.

Барыня ты моя,
Сударыня ты моя, субботея.

Нельзя с Ваней целоваться,
Нельзя с Ваней целоваться.

Барыня ты моя,
Сударыня ты моя, субботея.

Можно только обниматься,
Можно только обниматься.

Барыня ты моя,
Сударыня ты моя, субботея.

У нас нонче субботея,
У нас нонче субботея.

Барыня ты моя,
Сударыня ты моя, субботея.

46. Сидит дрема, сидит дрема,
Сидит дрема под окошком,
Сидит дрема под окошком.

Прядет дрема, прядет дрема,
Прядет дрема белый *кужель*,
Прядет дрема белый *кужель*.

Прядет кужель, прядет кужель,
Прядет дрема *кужель гужем*,
Прядет дрема *кужель гужем*.

Видит дрема, видит дрема,
Видит дрема – идет парень,
Видит дрема – идет парень.

Отгадай, дрема, отгадай, дрема,
Отгадай-ка три загадки,
Отгадай-ка три загадки.

А что цветет, а что цветет,
А что цветет, цвета нету,
А что цветет, цвета нету?

Треста цветет, треста цветет,
Треста цветет, цвета нету,
Треста цветет, цвета нету.

А что растет, а что растет,
А что растет без коренья,
А что растет без коренья?

Камень растет, камень растет,
Камень растет без коренья,
Камень растет без коренья.

А кто плачет, а кто плачет,
А кто плачет, не рыдает,
А кто плачет, не рыдает?

Лошадь плачет, лошадь плачет,
Лошадь плачет, не рыдает,
Лошадь плачет, не рыдает⁴⁸.

47. Сажусь за стол, беру я карты, –
Развеселю сама себя,
Давно я в картах понимаю,
Что разлюбил милый меня.

Мил полюбил, я разлюбила,
А после девица страдай,
Сидела в зеленом садочке,
А дождик брызжет на меня,

Своим подружкам говорила:
«Вы все не делайте, как я,
Ребят по многому не любите,
Вы ребят бойтесь, как огня.

---

⁴⁸ Зап. от С. И. Орловой, 1921 г. р., д. Малая Переволока Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл., 16 января 1977 г.

Приду домой, мне всё не мило,
Родные прочь гонят меня:
«Иди-ка, дочь наша, обратно,
Иди туда, где ты была».

Пойду я в лесе заблужуся,
Пускай поищут все меня,
Пойду я море утоплюся,
Пускай в нем бьет меня волна.

Девушка к морю подходила,
Ветер волны разносил,
Девушка в море опустилась,
Кричала: «Белый свет не мил!»

Прощайте елки и сосенки,
Прощай родительский домик,
Прощайте русские березки,
Прощай неверный мой дружок.

48. Посиделочные частушки

Возьму прялку, возьму лен,
Возьму десять веретен,
Буду прясть, попрядывать,
На милого поглядывать.

49. Моя прялка именна
Со всей беседушки одна,
Примечай, залетка мой,
Меня по прялке именной.

50. Пряду, пряду куделенку,
С куделенки *сосок*,
Не придет ли расхрошенький,
Курносенький *носок*.

51. На беседу пришел я,
Девчонка лучше всех моя,
Никто к прялке не садится,
Занимаю место я.

52. Прялочка точеная,
Колечко золоченое,
Тятя прялочку точил,
Милый колечко золотил.

53. Моя прялочка – браковка,
Приходи ко мне, *лаковка* <!>,
Приди, первая любовь,
Мальчик семнадцати годов.

54. На беседушку пришла,
Прялочка сломалася,
Милый мой пошел с другой,
А я одна осталася.

55. На беседушку пришла,
Мой курносенький носок,
Провожать до дома буду,
Поцелуй хотя разок.

56. Закурил миленок, бросил
За порог цыгарочку,
Издалеча мне мигает:
«Отодвинь-ка прялочку».

57. Сяду прясть – прялочка хрясть,
Гли меня сидела страсть,
Сердце колет, как иглой,
Мому сердцу не милой.

58. На беседушке сидела
Я на лавочке одна,
В лице красочка играла, –
Хают милому меня.

59. Освети ты, месяц светел,
На беседу путь ходить,
Расскажите, звезды часты,
С кем мой дролечка сидит.

60. На беседу я спрявлялся,
Тятка дал мне пяточок,
Мамка выскочила в сени:
«Не напейся, дурачок».

61. На беседушку ходить –
Не стоит время проводить,
Когда иду – ноженькам вред,
Приду туда – милого нет.

62. За речкой недалече
Колокольчики звенят,
На беседу *пая* едет
Меня, девочки, катать.

63. На беседу я иду,
Думаю, горе разведу,
Я с беседушки домой –
Горе рядышком со мной.

64. На беседе молодежь
Под *лоханьку* подберешь;
Где ухваты, где лопаты, –
Там гульба нашим ребятам.

65. Потеряла, во что пряла,
Потеряла *вертено*,
Потеряла, с кем гуляла,
Теперь нету никого.

66. У моего у милого,
У моего *миленоча* <!>
Рубашка бела, чуб налево,
Как у Ереновича.

67. Я лучинушку щипала,
Обрубила пальчик,
Лучше нет на посиделках,
Как Ванюшка-мальчик.

68. Ты гори, моя лучина,
Гори, уголь золотой,
Посиди, залетка, рядышком,
Пока не занятой⁴⁹.

---

⁴⁹ Зап. от Н. М. Ванифаньевой, Е. П. Васильевой, Н. В. Орловой, А. Н. Цветковой.

69. Через речку перейду,
На камушке обуяюся,
Ты не думай, дорогая,
Я не избалуяся.

70. Ай, ха-ха-ха,
Чем я барышня плоха?
Девяносто пятый год –
Никто замуж не берет.

71. Через руче<й> могучий
Буду лавины качать,
Милый – трепач, а я ревнивая,
Давай любовь кончать.

72. Дайте той воды напиться,
Где пенька мочилася,
Дайте *мого* дорогого,
С кем гулять училася.

73. Говорят, что не работает
Безумная башка,
Девяносто песен знаю,
Еще дома три мешка.

74. Когда в армию справлялся,
Все собаки плакали,
Мой кабель залез на пень,
Ему плакать было лень.

75. Ой Ваня, дорогой,
Давай мы с тобой дружить,
Не поможет ли нам боженька
В одной семейке жить.

76. Полюбила два Ивана,
За великие грехи
Одного взяли в солдаты,
А другого – в пастухи.

77. За рекой недалечко
Колокольчики звенят,
Не ко мне ли Ваня едет
Меня девушку катать.

78. Голубые незабудки
Расцветают на лугу,
Ох, красивы два Ивана,
Но влюбиться не могу.

79. Устишкина мать
Собиралась помирать,
Помереть не померла
Только время провела.

80. Через быструю реку
Накидало байдаку,
Байдак тонет, да не весь,
Гуляет девочка не здесь.

81. Девчонка к ворону ходила
Привораживать меня,
Кадушку творога сносила
И сметаны три ведра.

82. Свадебная прибаутка

У нас есть сад,
А в саду виноград,
Нельзя ли ваш виноград
Да перенести в наш сад.
Вместе *свезь* да
И родню завезть⁵⁰.

83. Заговоры

Для скота, заходишь в хлев и говоришь утром: «Здравствуйте, животки мои! Царь земной, хозяин дворовой, мои поклоны прими, а животков моих пой, гладь, люби и корми».

84. *Пригоняя скотину в поле:* «Царь земной, хозяин полевой и лесной, мои поклоны примите, моих животков любите, пойте, гладьте и кормите в зеленых лугах, в шелковых травах. Воды спивать и травы съедать⁵¹.

---

⁵⁰ Зап. от от М. В. Смирновой, д. Нелегино Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл., май 1989 г.

⁵¹ Зап. от Т. О. Тихомирова <!>, 1891 г. р., д. Михайловщина <? Михайлово> Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл., 14 октября 1984 г.

85. *На Покров, 14 октября, заходишь в хлев с кормом и говоришь:* «Закармливаю своих милых животков кормом. Обношу я вас каменной стеной, железным тыном. Как колдуну и колдунье этого тына и стены не перегрызть, так и от моих милых животков корма, молочка, здоровья не отнять. Не я прошу, а прошу праздник Покрова Пресвятой Богородицы, чтобы она своим святым духом прибежала, колдуна и колдунью прогоняла и замком запирала. Аминь».

86. *От чирьев:*

Бас... благослови! Бас... благослови! Бас... благослови! Кузьма-Демяян-бессеребряк! Помоги рабу Божьему Петру. Не я прошу, а прошу святых апостолов Кузьму-Демьяна, чтоб они своим святым духом прибежали, чирьи и титьки сучьи прогоняли, а здоровье замком запирали. Аминь.

87. *Когда горло болит:*

Бас... благослови! Бас... благослови! Бас... благослови! Полно мучить, полно томить. Выйди-повыйди с буйной головы, по становной кости! Прошу тебя честной честностью с Божьей милостью не расходиться ни на *молодике*, ни на *ветоху*. Не я прошу, а прошу Мать Пресвятую Богородицу, чтобы она своим святым духом прибежала, горлушу и жабу прогоняла, а здоровье замком запирала. Аминь.

88. *Когда укусит змея:*

Бас... благослови! Бас... благослови! Бас... благослови! Царь Еремей! Унимай своих детей, змеев разных пород, чтобы они по полю гуляли, но белого тела не кусали. А если вы не послушаете меня, то я попрошу Михаила Архангела и всю силу небесную. Они вас загонят в дремучие леса, в топучи места, где злак не сеят и солнцем не хватает <!>, вода не пробегает, птица не пролетет. Грозой пожгет, громом побьет, в море вас утопит, со света сживет. Аминь.

<Повторить> три раза.

89. *Когда плачет дитя, взять на руки ребенка. Подойти к окну на утренней заре или вечерней зорьке:*

Бас... благослови! Бас... благослови! Бас... благослови! Заря-зарица, красная девица! Твои детки есть хотят, а мои детки спать хотят. Своих деток накорми, а моих деток спать уложи. Аминь.

<Повторить> три раза.

90. От зевоты:

Бас... благослови! Вода-водица, вода-царица. Бежишь от востока до запада, обмываешь круты берега, желты пески, кривы кренца. Обмой раба Божия Тимофея. Аминь.

Прыснуть на больного исподтишка; заговор говорить три раза на одном дыхании.

91. От глаза <!>, повторить три раза:

Соль, соль, солема, соли солено сама. От глаза радостного, от завистливого, от глаза серого, от глаза черного и других глаз. Аминь.

92. Когда тащить занозу:

Шапка, шапница, не я ли красная девица, не я ли заговариваю, не я ли приговриваю. Мать Пресвятая Богородица с Иисусом Христом, золотым венцом, <из> белого тела, из красной крови заноза – вон! Аминь⁵².

93. От зверя, когда выгон скота в поле в день Георгия Победоносца 6 мая:

Господи, благослови меня, Василия раба! Обнеси своих милых животков. Не я обношу, а прошу Господа нашего, Иисуса Христа, Николая Чудотворца и Егория Победоносца. Святые мои апостолы! Обнесите моих милых животков. Обнесите железной оградой, обтяните медной проволокой, покройте пеленой святой нетленной ризы. Господи! Спаси их от воды-утопа, от огня, от лютого зверя, от ползучего змея, от волка, от медведя, от волшебных стихов. Чтобы лютой зверь не видал своим зорьким глазом, не слышал своим чутким ушам реву коровьего, блею овечьего и боялся голоса человеческого. Аминь.

Повторить три раза⁵³.

94. От веснухи:

Бас... благослови! Бас... благослови! Бас... благослови! Как в поле *гором не кочать*, а в лесу *гором* не стоять, рабу Божьему Тимофею не иметь худых мыслей, ни речей, ни на румяны щечки на раба Божьего. Прошу Матерь Божью, чтоб она святым духом, не любовь прогоняла, а любовь замком запирала. Аминь.

---

⁵² Зап. от Л. М. Михайлова, 1876 г. р., д. Малая Переволока Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл., 6 января 1960 г. Умер в мае 1960 г.

⁵³ Зап. от В. Е. Лебедева. 1899 г. р., д. Малая Переволока Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл., 1972 г. Умер в 1977 г.

95. Заговор крови:

На море, на океане лежит белый камень. На этом на камне сидит Мать Пресвятая⁵⁴ Богородица, держит иголочку с шелковой ниточкой. Зашьет, завяжет. Останови, Господь Бог, кровь рабы Божьей Клавдии. Аминь.

Заговор повторяется три раза⁵⁵.

96. Когда укусит змея:

Змея-змеица, змея красная девица, змея-меденица, змея-веденица, змея-подземельница, змея-веретейница, змея серая, змея черная, змея-сопошница, змея-подколодница, змея шипучая, змея летучая. Если же ты упустишь свое змеиное жало в раба Божьего или в живую тварь, то я напущу на тебя семьдесят реунов, семьдесят реунов, семьдесят реунов! Они выкопают твои горы, норы, дедов-прадедов, внунов-правнуков, род-племени и поколения по мой час, по мой разговор. Не прошу, а просит Матерь Божия. Аминь.

97. От крота. На кочерге надо ездит вокруг огорода на восходе солнца или до восхода, три раза:

Крот, крот, не ходи
В мой огород,
В день большого четверга
Тебе в зад кочерга!

Повторится три раза.

98. Бас... благослови! Бас... благослови! За поля, за горы, за бугры, разметите бури, разгоните ветры раба Божьего Петра с лиходейкою Наталию! Войди в сердце, войду <!> в душу, войди в самое нутро под девятое ребро. Приглянись девица Мария, приручи его. Трынть-брынть, трынть-брынть. Аминь.

Три раза повторить⁵⁶.

99. От запара:

Лягу благословяся, встану перекрестяся. Пойду я, раба Божия, из дверей в двери, из ворот в сени, выйду на чисто поле, встречается со мной запар. Ты, запар ломучий, запар печечный, запар солнечный, запар костяной, запар ветряной. Я тебя, запар, заговариваю. Я не теб<я> заговариваю, а прошу Мать Пресвятую Богородицу и всех святых апостолов, чтобы своим святым духом прибегали и тебя, запар, прочь прогоняли. Аминь.

<Повторить> три раза.

---

⁵⁴ В рукописи – «просвятая». – *Прим. ред.*

⁵⁵ Зап. от К. Д. Петраковой, 1918 г. р., д. Вить<б>ино Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл. Далее дается комментарий: «Учила бабушка Екатерина Елистаровна».

⁵⁶ Зап. от Ф. О. Тихомирова <!>, 1891 г. р., с. Вит<ь>бино Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл., 1960 г.

100. *От крови:*

На море, на океане, на острове на Буяне сидит красна девица, она шьет-вышивает, рабу Божьему Ивану кровь зашивает. Летит ворон через город, ворон каркнет, а ты, кровь, не капни. Аминь.

<Повторить> три раза.

101. Утренняя молитва

Господи благослови!
На раннем вставании,
На легком дыхании,
На солнечном восходе
Иисус Христос выходит
Небо, землю освещает
И весь мир благословляет.
Благослови и меня, Господи,
По сырой земле пройтись,
Талань-счастья найти.
Благослови, приручи меня,
Господи, к семье своей.
Аминь⁵⁷.

102. Плач на могиле

Ох, зайду я на эту могилочку,
Ох, как шла я, торопилася,
Ох, мои ноженьки подкосились,
Ох, ох, ох!
Ох, ты раздайся, мать сырая земелюшка,
Ох, ох, ох!
Ох, ты восстань, проснись, пробудись,
Моя удалая головушка, Васеньк<a>,
Ох, ох, ох!
Ты приди ко мне, горькой сиротинушке,
Ох, ох, ох!
Ох, ты развей мое великое горюшко,
Ох, как <нрзбр.> я, горька сиротинушка,
Ох, рассказать про свое великое горюшко,
Ох, ох, ох!⁵⁸

---

⁵⁷ Зап. от Л. М. Михайлова, 1876 г. р., д. Малая Переволока Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл., 1960 г. На этой странице сообщается об обряде «обжинки», который мы помещаем дальше. – *Прим. ред.*

103. Обжинки

14 сент. <ября> Семёнов день. Мать придет, бывало, веник наломет и в избе опахивает стены и приговаривет:

Шиш! Мухи, блохи, вон!
Хозяйка пришла в дом,
Два поля сжала,
А третье запахла.
Аминь.

<Повторить> три раза⁵⁹.

104. Народный этикет

..Или чихнул кто, говорили: «Салфет Вашей милости». Отвечали: «Красота Вашей чести»⁶⁰.

На каждый шаг жизни крестьянина были свои прибаутки, свои приметы. Если весной сажали в поле картошку, то говорили: «Уродись картошечка на всякую долю крещеную, длинная в оглоблю и крупная в <пропуск>, не пустая, а рассыпчатая <в> решето.

А когда стирали или полоскали белье, то говорили: «Лебеди летели». А отвечали: «Хоть бы вороны не пролетели». Или кто-то стирал белье – говорили: «Беленько тебе». Отвечали, кланяясь: «Благодарю тебя, спасибо».

Лук сажали рано, до восхода солнца, еще темненько. «И перья у него будут темные», – вспоминали старики.

---

⁵⁸ Зап. от М. В. Смирновой, д. Нелегино Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл., май 1989 г.

⁵⁹ Зап. от М. А. Новиковой, 1919 г. р., с. Ворошилово Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл., 4 ноября 1983 г. Обращаем на обряды изгнания и похорон мух в Семенов день, зафиксированные в Тверской области: *Линкевич В. В.* «Мухи-горюхи» // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2010. № 4. Вып. 2. С. 25 – 29; *Логунов М. Л., Петров А. А.* Этнолингвистические исследования Тверского края: материалы к словарю // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2013. № 32. Вып. 6. С. 102 – 107. – *Прим. ред.*

⁶⁰ Начало отсутствует. Зап. январь 1976 г. Обращаем внимание на совершенно идентичный текст речевого этикета кашинских купцов в начале XIX в. См.: *Петров А. А.* Фольклорно-этнографические рукописные материалы в краеведческом музее г. Кашина Тверской области // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2013. № 19. Вып. 4. С. 235. – *Прим. ред.*

105. Старинные редкие слова

1. Не вошкайся – плохо шевелится.
2. Испотки – варежки.
3. Дóмушки – дома.
4. Гмыря – никудышный человек.
5. Заладонило.
6. Брюхо осинное – большой живот лодыря.
7. Астодолился – выпил.
8. Мулюнок – мелкая рыба, окунь.
9. Остреченок – мелкий окунь.
10. Синюха, синьга, сипога – малёк.
11. Окостыжился – умер.
12. Коливо – неждожданный край нивы или поля.
13. Бригент – паренек.
14. Куркуль – богач.
15. Не мешкай – побыстрее.
16. Аногдысь – недавно.
17. Зáдрога – на печи перевода, матица.
18. На буру! На колефару! – девкам на помаду много денег надо.

**ВОРОШИЛОВСКИЙ СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД
ПЕНОВСКОГО РАЙОНА
ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ 1991 г.:
ИЗ АРХИВА КАФЕДРЫ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ТвГУ**

*Подготовка текстов
А. С. Дмитриева, А. А. Петров*

Студенткой филологического факультета Н. И. Никитиной в 1991 г. был проведен сбор фольклора Пеновского района Калининской (Тверской) области. Во время прохождения практики Никитиной удалось записать «Обряд бракосочетания в с. Ворошилово», который ей рассказал Иван Иванович Смирнов. Ниже мы публикуем этот текст, который в настоящее время в рукописном виде (на 12 листах) хранится на кафедре истории русской литературы филологического факультета ТвГУ.

**Обряд бракосочетания в с. Ворошилово
Пеновского района**

С в а т : Слава князю и княгине!

Слава нашим молодым!

Жизни светлой и удачной

От души желаем им!

Злата вам по два ушата,

Серебра по четыре ведра,

А меди – той без счету,

За хорошую вашу работу!

Желаю вам, князья,

Жить – не тужить!

Позвольте вас, дорогие,

По старому обычаю

Русским медом закормить!

Чтобы жили молодые,

Поживали, не маялись!

Молодым подносится в красивой старинной вазе мед. Жених чайной серебряной ложкой угощает невесту, а невеста – жениха.

С в а т ь я : Гостюшки дорогие, гостюшки золотые,

Гости дальние, гости ближние,

Гости медные, гости серебряные,

По старому обычаю, древнерусскому,

Князя Ивана и Марию-душу

Мы встречаем хлебом-солью!

Чтобы жили молодые, поживали,
Добра наживали, не маялись,
А жизнь проживали, – не каялись!
Разломите, князья, этот хлеб пополам:
Кому больший кусок достанется,
Тот и хозяином в доме останется.

Молодые разламывают каравай пополам.

Под свадебные песни делают аллею из полотенцев или разукрашенную дугу с натянутым лентами. Молодых сопровождают до сцены. Затем молодые становятся на ковер, разостланный на полу у сцены. В это время на стол ставят решето. Идет выкуп стола.

С в а т : Князь да княгиня!
Иван да Марья!
У нас лавочки тесовые,
Стол дубовые –
Надо выкупить,
А решетце липовое –
Озолотить!

Исполняется песня «Летал соловей по закустовью».

Летал соловей,
Ох, по закустовью,
Летал соловей,
Ох, по закустовью.

Поймал соловей,
Ох, канареечку,
Поймал соловей,
Ох, канареечку.

Щебетали по ней,
Ох, добрые пташечки,
Щебетали по ней,
Ох, добрые пташечки.

Вы не плачьте по ней,
Ох, добрые пташечки,
Вы не плачьте по ней,
Ох, добрые пташечки.

Я давно, соловей,
Ох, с ней свыкаюся,
Я давно, соловей,
Ох, с ней свыкаюся.

С одного кустушка,
Ох, мы росу пили,
С одного кустушка
Ох, мы росу пили.

Одной ягодой,
Ох, мы закусывали,
Одной ягодой,
Ох, мы закусывали!⁶¹

Мать крестная выкупает стол:

Гостюшки дорогие, гости золотые,
Стол дубовый выкупаю конфетами,
А решетце липовое озолачиваю монетами.

Кладет в решето кулек конфет и пястку монет. Исполняется свадебная величальная песня для невесты и жениха.

Стелется и вьется,
Стелется и вьется
Шелка трава по лугам,
Шелка трава по лугам.

Целует, милует,
Целует, милует
Иван свою Марьюшку,
Иван свою Марьюшку!

Жена моя, барыня,
Жена моя, барыня,
Наливная ягода,
Наливная ягода.

Роди сына во меня,
Роди сына во меня,

---

⁶¹ Зап. И. И. Смирнов от Ф. В. Смирновой, 1920 г. р., д. Нелегино Пеновского р-на Калининской (Тверской) обл. Эти комментарий дает Н. И. Никитина в рукописи. Эти сведения получены от Ивана Ивановича. – *Прим. ред.*

А дочерю во себя,
А дочерю во себя.

Сынок – моя перемена,
Сынок – моя перемена,
А дочь – перепутье,
А дочь – перепутье.

Куда ль я поеду,
Куда ль я поеду,
К дочери заеду,
К дочери заеду⁶².

С в а т ь я : Вот монеты серебром,
Чтобы жили вы добром!
С в а т : Вот вам рубль бумажкой,
А чтобы князь Николай
Не ухаживал за чужой Машкой!
С в а т ь я : А вот головка лука,
А чтобы вы не знали,
Что такое разлука!
С в а т : А вот и капуста,
Чтобы в доме вашем
Никогда не было пусто!
С в а т ь я : А вот и редька,
Чтобы Мария-душа
Не заглядывалась
На чужого Петьку!
С в а т : Отведайте нашего огуречка,
А чтобы детишек у вас
Была целая печка!
С в а т ь я : А вот и морковка,
Чтобы княгиню нашу
Любила свекровка!

Затем идет породнение родственников жениха и невесты.

С в а т : Помогите нашим молодым
Камень с сердца снять!
Свекра и свекровь, тестя и тещу
Отцом-матерью назвать.

---

⁶² Зап. И. И. Смирнов от А. Т. Калибиной, 1914 г. р., май 1969 г.

Невеста поочередно или сразу просит согласия называть их матерью и отцом; они отвечают утвердительно, обнимают и целуют своих детей. После сватовья целуются сами друг с другом. Молодым желают счастья и приглашают на серебряную свадьбу.

Молодых поздравляют со вступлением в брак. На сцене через весь зал идет кухарка в старинном сарафане с горшком, в котором сварена гречневая каша. Кухарка, накладывая в расписную глиняную чашу, приговаривает: «Закармливаю вас кашей из этой чаши. Кушай, князек, кашу! Угощай и люби княгиню Машу!»

Молодые деревянными ложками угощаются кашей.

С в а т : Вот и слились две тропинки,
Вот и слились две судьбы.
Мы желаем, без заминки
Чтобы ваши дни текли!⁶³

---

⁶³ Далее исполняется свадебная песня: «Как по морю», записанная И. И. Смирновым от К. Д. Петраковой. – *Прим. ред.*

ОН УШЕЛ. ИВАНУ ИВАНОВИЧУ

С. В. МОРЯКОВ

Над красивым, живым и любимым
Завтра вновь загорится заря...
Зв спиной остывает могила,
Он ушел далеко в небеса.

Было всё... Радость встречи, застолья,
Были песни, рассказы захлеб,
Между строк несказанные речи,
Ночи полные дум и тревог.

Были слезы прощанья, смятенье,
Были тайные вздохи родни...
Ныло, жгло, разрываясь, горело
Неуемное сердце в груди.

Был ли понят своими в деревне,
Жизнь прожив, не таясь, на миру?
Под глазами усталые тени,
Обещал: «До весны не помру».

Он ушел... будто скоро вернется,
Простоволóской на босой ноге,
За спиной остывала могила
В близком мне, но уже далеке.

2005 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Рассказы И. И. Смирнова в записи С. В. Морякова. <i>Подготовка текстов Л. М. Концедайло, А. А. Петров</i>	4 – 37
1 «Макрида»	4
2. «Шаманская дача»	5
3. «Честь выше всего»	6 – 7
4. «Коровий праздник»	7
5. «Петина нива»	8
6. «Вечный дед»	8 – 9
7. «Ванька-вор»	10 – 11
8. «Русичена»	11
9. «Царицын камень»	11 – 12
10. «Григорий Беляев и разбойники»	12 – 13
11. «Ходьба в заработки»	14 – 15
12. «Видение»	15 – 16
13. «Клад давался»	17
14. «Колдун»	17 – 18
15. «Сметанник»	18 – 19
16. «Дивы»	19
17. «Выкрутился»	20 – 21
18. «Клад не дался»	21
19. «Пустошь»	21 – 22
20. «Хазарин Рог»	22
21. «Москва»	23
22. «Ермак»	23
23. «Ордовка. Озеро Ордоникольское»	23
24. «Захмычка»	24
25. «Мнимые похороны»	24 – 25
26. «Кресты (Лопастница)»	25 – 26
27. «Нечаянная радость»	26 – 27
28. «Отец Иван»	27 – 29
29. «Загадки»	29 – 30
30. «Разве можно забыть?»	30
31. «Кулёк»	31
32. «Народ»	31 – 32
33. «Сплав»	32 – 33
34. «В гостях у сказки»	33 – 34
35. «Сцена»	34 – 35
36. «Знающий»	35 – 36
37. «Грибы»	36

Традиционная культура Пеновского края в записях И. И. Смирнова. <i>Подготовка текстов А. А. Петров, П. С. кизи Собринжорова</i>	38 – 92
Ворошиловский свадебный обряд Пеновского района по материалам экспедиции 1991 г.: из архива кафедры истории русской литературы ТвГУ. <i>Подготовка текстов А. С. Дмитриева, А. А. Петров</i>	93 – 97
<i>Моряков С. В.</i> Он ушел. Ивану Ивановичу	98
<i>Содержание</i>	99 – 100

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

ТВЕРСКОГО КРАЯ

Сборник материалов

В оформлении обложки использованы фотографии
Б. Михайлова, Л. Зинченко

Отпечатано с авторских оригиналов

Подписано в печать 23.11.2015. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 6,25. Тираж 100. Заказ № 501.
Редакционно-издательское управление
Тверского государственного университета
Адрес: 170100, г. Тверь, Студенческий пер. 12, корпус Б.
Тел. РИУ (4822) 35-60-63.